

АЛЕКСЕЙ ФЕДЯНИН

КЛАДЕЗЬ
БЕЗУМИЯ

2014

Алексей Сергеевич Федянин

Кладезь безумия

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6540972

Аннотация

Бог есть – но ему одиноко. Есть и Дьявол – но ему скучно. И есть простой киевский парень Женя, который нужен им обоим. Один жаждет уничтожить мир. Другой – его спасти. Чью сторону примет Евгений? От его таланта и ума будет зависеть все. И любовь поможет ему сделать правильный выбор.

Содержание

Часть 1	4
1	4
2	10
3	17
4	24
5	29
6	36
7	44
8	52
9	60
10	66
11	72
12	78
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Алексей Федянин

Кладезь безумия

Часть 1

Ночное солнце

1

Я никогда не считал себя богатым человеком. Нет, серьезно. Что такое богатство? Сто тысяч? Двести? Миллион? О, мы снова считаем цифры и меряемся резаной бумагой. А я на днях осознал, что был несказанно богат. Причем совсем недавно – и я не знаю, сколько у меня при этом было цифр. Когда больше, когда меньше, когда как. Но у меня всегда были часы. Восемь часов. Девять часов. Даже шесть иногда вполне хватало.

Этими часами меня щедро наградила ночь. Прекрасное время суток, созданное для того, чтобы спать. Или творить. Но я уже давно ничего не творил. Работа дизайнера достаточно насыщенная, чтобы еще что-то свое рисовать. Тем более что такое в современном мире художник? Какие перспективы у художника? Показывать картины знакомым и

друзьям? Оно-то, конечно, приятно, когда тебя хвалят и восхищаются твоим талантом (говорят, он у меня имеется, а я и не возражаю). Но жить как? Кушать что? Грызть кисточки и запивать масляной краской? Я не до такой степени гурман.

Вот я и не творю по ночам. Обычно я в это время сплю. Если, конечно, не «зависаю» в ночном клубе или не пью пиво вместе с Серджио. До тридцати мне еще далековато, но животик намечается – когда-нибудь я брошу пить пиво. Наверное. Возможно, с этого понедельника.

А пока что я лежу на диване и желаю сам себе спокойной ночи. Баранов считаю, кстати.

(не забудь посчитать себя)

О, это сказал не я, это сказала мерзкая тварь. Так я ее называю. Голос в моей голове, который появился с недавних пор – как раз тогда, когда я практически лишился сна.

Я закрыл глаза. Потом снова открыл. После пятого раза этой циклической операции я повернулся на бок и упёрся взглядом в собственные обои.

Сверкнула молния. Кажется, кто-то из главных сверху от души позабавился, стукнувши одной тучей о другую. Видимо, тучам было больно, если судить по тем слезам, которыми они окропили землю в районе моего дома. Ну как я мог на такое не посмотреть? Через мгновение я уже стоял у открытого окна и смеялся, когда капли дождя попадали мне на лицо или на шею. Когда небо плачет, оно хочет, чтобы кто-то целовал его слёзы. Сегодня моя очередь, раз уж мне не

спится.

Мобильный отчаянно разрывался, но я его не слушал – пусть сам себя послушает, если уж на то пошло. Небо стегало меня жидкой плёткой, даже не интересуясь: нравится мне или нет? Мне понравилось. Ещё мне понравилась мысль постоять подольше, простудиться, наглотаться таблеток, запить горячим чаем, укутаться с головой в одеяло и заснуть. Просто заснуть.

Однако телефон не переставал трезвонить, прыгая по всему столу, как умалишенный кенгуру. Интересно, сколько он звонил? Час? Два? Вечность? Или того больше – целую минуту? Я не спеша подошел к столу, поймал негодяя, и ещё немного постоял, держа его в руках. Электронный попрыгунчик так и норовил выскользнуть из рук, и я его утомил самым простым способом – нажал на кнопку «ответить».

– Слушаю, – сказал я, и это было правдой. Я действительно слушал.

– Счастливой ночи, – этот голос был мне незнаком.

– Спасибо, – ответил я. Но голос молчал. Эта пауза затянулась, но я не мог (не хотел) её прервать. Я ждал, когда голос ещё что-нибудь скажет. Или положит трубку, наконец.

– Счастливой ночи. Началось! – и короткие гудки. «Всё, отбой, – подумал я, – я ведь почти был уверен, что это марсиане или что-то в этом роде». Но на этот раз голос души был сильнее голоса разума, и эта самая душа чётко и внятно повторила сказанное незнакомым голосом:

– Началось!

И я знал, что она права, хотя и не знал, что именно началось. Честно говоря, я бы предпочёл, чтобы всё поскорее окончилось. Мой разум замер от страха и отчаянно советовал не обращать на всякие звонки внимание. «Кто-то ошибся номером», – рыдал взхлёб мой несчастный усталый разум. «Кто-то просто ошибся номером. С кем не бывает?». Разум всего лишь надеялся, что это была ошибка. А душа твёрдо знала, что никакой ошибки здесь быть не может. Кто-то меня предупредил. О том, что началось.

Я снова подошел к окну. Стал и снова начал смотреть, наслаждаясь ночной грозой. Слово «Гроза» создано для ушей, а не глаз – его лучше слышать среди ночи, когда оно гремит и грохочет по всему небу. Но вот уже вторая неделя пошла, как я мог его видеть – потому что мне приходилось видеть.

Сначала я перестал засыпать в двенадцать и ворочался в постели часов до двух. Скоро два плавно превратилось в три – и я лежал, осознавая, что мое время уходит в никуда. Не сплю и не работаю, ничего не творю и не создаю. Просто... *убиваю* время. Но с этим я не мог ничего поделать. Я пытался заснуть, считал слоников, козликов, гномиков и еще Бог весть кого. Но толку было с этого немного. Даже наоборот.

Я снова прилёг на диван и в надцатый раз решил уснуть. Я знаю, что Наполеону хватало двух часов сна в сутки. Но, во-первых, я не Наполеон, во-вторых, я начинал потихоньку завидовать этому великому полководцу. Целых два часа! Как

же я был когда-то богат...

Меня разобрало любопытство – а что, если бы сон можно было продавать? Как в обыкновенном супермаркете, который находится за вторым перекрестком от проспекта. Вот стоит стеллаж с макаронными изделиями, вот соки, а вот в маленьких синих коробочках – что это такое, а? Невесть откуда появившийся консультант (по совместительству охранник) рекомендует мне выбрать вот эту большую (она, конечно, велика, приятель, но мне кажется, Вам не мешало бы выспаться) коробку. В ней запакован сон на 14 часов, и я отвечаю, что нормальные люди столько не спят. Консультант соглашается и предлагает уже 10 часов. Я смеюсь в ответ и спрашиваю, где установлена скрытая камера. Консультант пожимает плечами и отходит в сторону.

Но это вовсе не означает, будто меня оставили в покое. Находившаяся рядом бойкая старушенция лет сообщает мне, что прайсы на сон находятся на кассе, товар редкий и всё такое... Я поблагодарил и направился в указанную сторону. За короткое время и ещё более короткое расстояние от старушенции до кассы я узнал, что у моей энергичной собеседницы двое внуков, старший Андрей, а вот младший, Витюшенька, страдал от бессонницы, зато теперь даже в школу вовремя просыпается. Возможно, я бы узнал, какого цвета рюкзак у Витюшеньки и кто его любимый певец, однако симпатичная девушка-кассир спасла меня от подобных откровений.

Я с удивлением обнаружил, что мне есть что оплачивать. В своих руках я держал маленькую синюю коробочку, плотно запечатанную и немного тяжеловатую. Девушка, даже не взглянув в мою сторону, забрала у меня коробку и выбила её код на кассовом аппарате. Вот ведь царевна, подумал я. А вдруг я твой принц, которого ты ждала всю жизнь? Словно прочитав мои мысли, девушка взглянула на меня и нерешительно улыбнулась. Вы такая милая, девушка, мы не могли бы вместе сходить на вечерний сеанс новой кинокомедии? Я с удовольствием составлю Вам компанию тёплым летним вечером, если, конечно, Вы не будете **ТАК СИЛЬНО ЗВЕНЕТЬ!!!**

Я смотрел на будильник и не мог поверить своему счастью. Мне снился сон, и значит, я спал! Спал! И мне снился сон! Я вскочил с дивана и помчался в ванную комнату. Открывая кран, я обнаружил в своей руке клочок бумаги, машинально сунул его в карман (мало ли что во сне под руку попадётся?) и вскоре холодная вода продолжила дело ночного ливня.

2

Вагон метро, набитый пассажирами, захлопнулся буквально перед моим носом и помчал вдаль по рельсам. На меня нахлынула такая бешеная злость, что хотелось спрыгнуть с платформы и пуститься вдогонку за составом. Остановила меня лишь безрадостная перспектива прокатиться на локомотиве следующего поезда.

Я посмотрел на электронное табло. Оно мне предсказало долгий разговор с шефом по поводу моего опоздания минут на 15 как минимум. Как максимум... Стоп, а ведь максимум я сам себе устанавливаю. Я могу опоздать на час... на два... на полдня. Я могу, в конце концов, вообще не прийти!

Ухватившись за эту мысль, я принялся шагать по перрону. Мне вспоминался осточертевший офис, коллеги, которые на самом деле были отличные ребята, импульсивный шеф, несомненно, умный парень, но пунктуальный до неприличия. Он полагал, что все должны быть точно такими же, за что регулярно зарабатывал колоритные эпитеты в свой адрес от сотрудников во время курения на лестничной площадке. Да, мои способности были востребованы в этой редакции – я мастерил коллажи из тренеров и футболистов, и у меня это получалось. Иногда мне казалось, что я могу больше, и в эти моменты я обещал себе когда-нибудь перейти на работу в рекламное агентство. Когда-нибудь... подумаешь, всего

лишь вопрос времени.

Очередной состав подоспел как раз во время кульминации моих размышлений. Для себя я решил уже окончательно: на работу я сегодня не пойду. Впервые за два года моей работы в редакции! Я достал из кармана телефон, тот самый, который исполнял на моём столе дикие танцы сегодня ночью.

– Алло, – сказал я, как только произошло соединение, – это Евгений.

– Да, Женя, здравствуй, – голос шефа был немного недоумевающий. С чего это я, вместо того, чтобы прийти на работу, звоню на неё?

– Я, наверное, не смогу сегодня прийти на работу. Очень плохо себя чувствую, и сейчас еду в больницу. Какая-то усталость непонятная...

– Ну, конечно, Женя, – такое впечатление, что шеф чуть ли не обрадовался моему отсутствию, – у тебя уже недели две глаза красные, ходишь, словно зомби... Может, тебе лучше вообще взять отпуск? Скажем, недельки, на две...

– Спасибо, Игорь Артурович, – это предложение меня весьма насторожило. Знаем мы эти отпуска! Пару месяцев назад Гриша, дизайнер из нашего отдела, уже уходил в отпуск «на недельку». До сих пор отдыхает...

– Ну, так как насчёт отпуска, – бодрый голос шефа вернул меня к действительности, – берёшь?

– Спасибо, Игорь Артурович, – повторил я, – но я думаю, завтра уже буду в норме и полной боевой готовности. Врача

я знаю – это великолепный специалист.

– Смотри, Женя, не рискуй здоровьем, – шеф изо всех сил делал вид, что желает мне добра. – Помнишь – в здоровом теле здоровый дух?

– Ну, конечно, – ответил я. Из-за поворота тоннеля показался очередной состав поезда метро, – завтра буду, как огурчик.

– Будем надеяться. Пока, удачи.

– Спасибо.

Конец вызова. Он произошел как раз вовремя, и я успел втиснуться между хлопающими дверьми вагона. Свободных для сидения мест, естественно, в наличии уже не было. Впрочем, меня не особо это расстроило. Я опёрся спиной о двери и приступил к осмыслению того, что я только что сделал. Как огурчик, ну да. Зеленый и сморщенный.

Хотелось бы мне самому верить, что завтра утром я буду в норме. Очень хотелось бы.

* * *

...Мы проезжали над Днепром. Каждый раз, перемещаясь с Левого берега на Правый, я испытываю чувство причастности к чему-то великому и торжественному. Вот река, которая была ещё тогда, когда не было Киева, не было Иисуса, Гомера и ещё Бог знает кого. Сначала её называли Борисфеном, затем Днепром,...

и кому пришло в голову называть реку мужскими именами?

...и пока что, насколько мне известно, переименовывать её никто не собирается. Нет, разумеется, в столице достаточно достопримечательностей, но ничто так не вызывает чувства причастности к истории, как эта стрела Амура, пронзившая сердце страны на две неравные части.

Вагонный состав пересёк Днепр и нырнул под землю, продолжая равномерно грохотать по рельсам. Пришло время рассматривать рекламу на стенах вагона. Как дизайнер полиграфии, желающий в будущем

(когда-нибудь)

работать в рекламном агентстве, я должен был поинтересоваться новинками рекламных шедевров. Но почему-то мне этого не хотелось. Вообще, сегодня день явно выбивался из общего строя себе подобных. Странно, что я заметил это только сейчас. И странно, что я только сейчас заметил девушку, с нескрываемым любопытством изучавшую меня.

Первая мысль, пришедшая в голову, звучала приблизительно так: «И что я, хотелось бы мне знать, не так на себя надел?». Мысль мелькнула и исчезла, потому что девушку явно не моя одежда интересовала. «Наверное, ей гораздо интересней, что находится под одеждой», – подумал я и невольно улыбнулся. Девушка улыбнулась в ответ.

Наверное, мы оба довольно глупо выглядели со стороны, но в данный конкретный момент меня это меньше всего ин-

тересовало. Случилось вот что: в девяносто девяти случаях из ста я бы просто отвернулся, не зная, как мне реагировать на мою любопытную спутницу. Откровенно говоря, никогда не знал, что следует делать, когда прекрасная девушка (а она была прекрасна, глупо, конечно, не бывает так, но прекрасна) сверлит тебя взглядом. О Боже, а вдруг она из какой-то секты либо промоутер новой марки сигарет? Однако, что бы я там себе ни думал, я сделал то, что не делал, по-моему, никогда – сдвинулся с места и подошел к ней.

Я стоял посреди грохочущего вагона и просто смотрел на неё. Вблизи она оказалась не просто прекрасной – она была великолепна. Её волосы пепельного цвета гармонично ниспадали на худенькие изящные плечи, тонко очерченный подбородок подчёркивал плавные, аристократически правильные черты лица. Большие зелёные глаза излучали веселье, и в то же время такую мягкость и безмятежность, что я уже для себя решил: будь она хоть промоутером, хоть из секты кришнаидов-свидетелей пятого пришествия, а один я из этого вагона не выйду. Сегодня я никуда не спешил, но это не имело ни малейшего значения: я остался бы с ней, даже если бы меня ждали для вручения Нобелевской премии.

– С таким выражением лица, молодой человек, – сказала девушка, по-прежнему расстреливая меня своими глазками, – неопытные студенты обычно приглашают девушек на танец. Или делают предложение.

– Вы угадали, – я улыбнулся, – разрешите сделать Вам

предложение – составить Вам компанию и проводить туда, куда Вы едете, где бы это ни было.

– Довольно смело, – ответила девушка, – особенно, если учесть, что я еду на вокзал, и у меня в кармане билет на Харьковский поезд.

– Никогда не был в Харькове, – сказал я. Она мне нравилась всё больше и больше, – когда ещё такой повод появится туда попасть?

– А какой повод? – с иронией спросила моя собеседница. – Я ведь даже не знаю, как Вас зовут.

– Ну, это не проблема, – рассмеялся я, – зовут меня Женя. Между прочим, я готов с Вами ехать на край света, даже не зная, как зовут Вас.

– Это тоже не проблема, – девушка улыбнулась в ответ, – меня зовут Анжела. И вообще, кто это Вам сказал, что Харьков – край света?

– Ну, теперь, я так не думаю, – я ни на секунду не отрывал от неё глаз, – теперь я уверен, что Харьков – это город ангелов.

Мы рассмеялись вместе и одновременно, и, возможно, кто-то из окружающих пассажиров и посмотрел на нас с недоумением, а то и с осуждением. Да вот беда – мы этого не заметили, и заметить не могли, потому что в эту минуту никто, кроме нас, на этой то ли круглой, то ли похожей на лимон планете просто не существовал...

Я не имел ни малейшего представления – кто она, откуда,

за каким таким делом едет в Харьков (домой или из дома) и чем занимается в своей жизни. Я вдруг осознал, что нет на свете глупее вопроса, чем «какие женщины тебе нравятся?», и нет ничего глупее, чем искать себе спутницу жизни. Вот ты включаешь компьютер, запускаешь текстовый редактор. Потом создаёшь новый документ и пишешь: «блондинка, брюнетка, возраст, рост, вес, музыкальные предпочтения...». Ты сформировал себе идеал женщины, и теперь этот бланк, этот бессмысленный и никому не нужный шаблон рассылаешь во все брачные конторы, знакомишься с девушками, подходящими под твоё описание и считаешь, что устраиваешь свою личную жизнь. А потом появляется Она, и у тебя возникает дикое желание отформатировать дискету с тобой же созданным файлом, а затем отправить её в ближайшую корзину для мусора.

В этот день файл, засевший у меня в голове, полетел в дальние и не востребуемые уголки моего подсознания.

3

Мы были на вокзале, этом вечно живом и вечно гудящем сердце города. Вот это самое сердце насыщало его свежей кровью, гоняя ее туда-сюда – кто-то приезжал, а кто-то и уезжал, как сегодня Анжела. И нам предлагали снять квартиры, позвонить на любой мобильный номер за одну гривну/3 минуты, и такси, стоимость поездки в котором приблизительно равнялась полёту на ракете в иную галактику.

Но ни я, ни Анжела не воспользовались ни одним из этих заманчивых предложений – каждый из нас знал, где он сегодня проведёт ночь, а звонить, кататься по городу и снимать квартиры пока не входило в наши планы. Вместо этого мы нашли небольшое уютное кафе, облюбовали один из немногих свободных столиков и принялись делать то, что обычно и делают в кафе – пьют кофе и общаются.

– Я надеюсь, ты шутил насчёт поездки со мной в Харьков, – сказала Анжела. Её настроение оставалось весёлым, но из него уже исчезли нотки лёгкой игривости.

– Шутил, – признался я, – но это вовсе не значит, что я не поеду туда, если ты слишком задержишься с возвращением.

– О, даже так, – Анжела приподняла брови, – ну, а что, если я скажу, что у меня в Харькове есть парень, который меня ждёт?

– А он действительно есть? – поинтересовался я.

– Есть. Это мой брат.

Мы рассмеялись и сделали по глотку из маленьких чашечек, стоящих на нашем столе. Содержимое чашечек тут же уменьшилось наполовину.

– Ты учишься? – спросил я.

– Уже нет. В прошлом году я получила диплом юриста, и вот уже год как работаю помощником нотариуса.

– Интересно?

– Ну, кто на что учился, – вздохнула Анжела. Я внимательно посмотрел на неё. Почему-то мне показалось, что она не совсем довольна своей работой.

– А чем занимается по жизни мой новый супергерой – покоритель девушек из метрополитена? – улыбнулась Анжела.

– Супергерой – сильно громко сказано, – признался я, – на самом деле я работаю дизайнером в «Спортивной стране». Оформление обложки, вёрстка страниц и всё такое...

Возникла пауза. Я смотрел на Анжелу, она смотрела на меня, и в это время из моего подсознания выскочила мерзкая тварь – та самая, что патологически не переносит ничего хорошего, доброго и радостного. Тварь ухмыльнулась и прошептала, не скрывая ехидства:

а потянешь ли ты такую красавицу, а? Почему бы тебе не отвезти её на «Мерседесе» прямо в Харьков, пока это не сделал кто-нибудь другой? Она за это сделает всё, что пожелаешь, ты же знаешь, все женщины такие

– Не все, – в полголоса произнёс я. Анжела удивилась:

– Ты про что, Жень?

– Говорю, жаль, что не все ещё знают, какая ты красивая, – это была явная глупость с моей стороны. Анжела ещё более удивилась и немного отстранилась от столика. Мерзкая тварь захохотала и продолжила шептать

да, она сделает всё, но не тебе, потому что твоей зарплаты хватает только на твою квартиру, проезд и пиво. Пиво, пиво – это ведь для тебя намного интересней, чем девушки, не так ли? И что ты ей можешь предложить, а? Съездить летом в Крым? В Турцию? Лет через пять?

Я попытался сменить пластинку и, как ни в чём не бывало, продолжил беседу.

– Вообще-то я не всегда говорю сам с собой – только когда пью кофе. А пью я его редко.

Дурацкое оправдание, но Анжела кивнула и немного успокоилась.

кофе!!! Кофе!!! Нет, вы послушайте – он пьёт КОФЕ!!!

Мерзкая тварь захлёбывалась от визжания

он не может заснуть уже вторую неделю, расстройство сна давно превратилось в его полное отсутствие, а ОН ПЬЁТ КОФЕ!!

Я тут же вспомнил о том, как я сплю в последнее время, вспомнил сегодняшней «супермаркетский» сон – и страшная усталость навалилась на меня. Вокруг ходили люди всех возрастов и полов, и они не обращали на меня внимания, но я их видел всех... одновременно всех и в то же время по от-

дельности каждого. Безликая масса вдруг рассыпалась на отдельных особей, и я видел мысли... я видел незнакомые дома и города, о которых думали эти люди, я видел лица – одни мне улыбались, вторых я опасался и вовсе не хотел видеть, но они никуда не исчезали, они просто были. Я видел своих мам, пап и внуков, своих соседей – украинцев, русских, поляков...

И все изменилось в один миг! Исчез вокзал, исчезли люди, и я очутился на незнакомой мне поляне. Точнее, на поляне я когда-то этой был, но где и когда – сказать не мог. И не было мне никакого дела до этой поляны. Мы были вдвоем – я и она. Сколько раз я влюблялся и обжигался? Сколько раз все начиналось мило и романтично, а потом звучало «Ты хороший парень бла-бла-бла дело не в тебе бла-бла-бла давай останемся друзьями» и прочий бред. Поначалу он меня бесил, потом забавлял, а потом надоел. Конечно, отказ я получал далеко не всегда, а только в тех случаях, когда девушка действительно нравилась.

Но это была не какая-то другая девушка. Это была Анжела. И мы были с ней на поляне, она смотрела на меня и улыбалась этой смущенной, немного наивной улыбкой, от которой у меня уже сносило мою темную башню...

И тут же снова все изменилось! Я видел Анжелу, а рядом с ней возник неясный образ, напоминающий мужской силуэт. Высокий, в черном, и почему-то стоящий спиной к Анжеле. Однако я не успел его толком разглядеть – всё исчезло

гораздо раньше, чем я понял, что к чему. Всё вернулось на свои места, и я увидел Анжелу. Она снова была нормальной. Точнее, снова нормальным был я.

... даже глазом не моргнул. И представляешь, что я сделала?

– И что же? – с интересом спросил я, не имея ни малейшего представления о том, что случилось до того, как она что-то сделала.

– Я снова включила свет. – Анжела запрокинула голову и весело рассмеялась. Я счёл разумным сделать то же самое, и посетители кафе недоумённо оглянулись на нас.

А не пошли бы они все пешком по рельсам? Я снова был на этой земле, я не пошел на работу, мерзкая тварь куда-то исчезла, а прямо передо мной сидела самая красивая девушка, какую я когда-либо видел. Мы снова заговорили, обо всём и одновременно ни о чём. С наших губ и языков слетали какие-то слова, предложения, но наши глаза ни на секунду не оторвались друг от друга. Мне очень хотелось, чтобы её глаза стали озером... нет, океаном! Я бы нырнул туда, залёг на дно, и больше никогда бы не всплывал.

– Ну, вот и всё, Женя. Мне очень приятно было с тобой познакомиться.

Из-за поворота выехал локомотив и с протяжным гудением устремился в нашу сторону. Однако гудеть он мог сколько угодно – скорость состава неумолимо снижалась, и вот он застыл, лишь шипя и переводя дух после долгого пробега.

Проводник открыл дверь и освободил подъёмную лестницу. Будущие пассажиры, размахивая многочисленным багажом, принялись погружаться внутрь вагона. Анжела повернулась и посмотрела на меня. Её глаза выражали затаённую печаль.

– Мне кажется, ты что-то забыл сделать, Женя.

Вместо ответа я обнял её за плечи и прикоснулся губами к её щеке. Сначала к щеке. Через секунду наши уста слились в долгим и нежном поцелуе.

Наступил момент, когда мы всё же отстранились друг от друга.

– Это? – спросил я, – это я забыл сделать?

– Нет, – тихо ответила Анжела, – ты забыл взять у меня номер телефона.

Она немного помолчала, и сунула мне в руку клочок бумаги. Похоже, что она написала его заранее, только когда она успела? Я положил его в карман, не отрывая глаз от Анжелы. Моей Анжелы.

– Пока, – к ней снова вернулось беспечное настроение, – будешь у нас в Харькове – заходи.

– Нет, уж лучше вы к нам, – улыбнулся я. У Анжелы багаж совершенно отсутствовал, и мне не пришлось демонстрировать свои джентльменские качества. Анжела ловко запрыгнула в вагон, и спустя несколько секунд в окошке купе раздался стук.

Я посмотрел вверх и увидел Анжелу, прислонившуюся

вплотную к окну. Я улыбнулся и помахал ей рукой. Она в ответ проделала то же самое. И всё – вагон тронулся, и окно, которое отделяло меня от девушки-ангела, улетело в западном направлении. Дальше она свой путь продолжала без меня.

Поезд давно скрылся из виду. А я все стоял на перроне и смотрел ему вслед.

– Мы ещё увидимся, – прошептал я, – увидимся...

Мерзкая тварь высунула голову из моего подсознания и злодейски подмигнула.

конечно, увидите. Очень скоро ты увидишь её фотографию в статье под названием «Новая жена олигарха»

Однако сейчас мне было абсолютно наплевать на мнение своего внутреннего голоса. Я обернулся и направился к переходу.

Началось!

Сердце стучало в такт уходящим вагонам, звук моих шагов терялся в гамме голосов и бесконечного грохота, но среди всей суеты мозг чётко выкристаллизовал слово. Одно единственное слово, и я его уже слышал. Где же я мог его слышать? Ах да, конечно – сегодняшней ночью.

И это слово уже будоражило душу и заправляло машину моего тела бензином предвкушения. Почему же я думал, что встреча с Анжелой – это не пик моих жизненных приключений, а начало чего-то иного, более необычного? Может быть, потому, что у каждого мужчины, если отбросить все скорлупки и оставить ядро, есть всего два главных желания? Завоевать девушку и совершить подвиг. И если с первым сегодня наметился прогресс, то со вторым перспективы были печальнее. Какой подвиг можно совершить в наше время? Тут хотя бы себя в порядок привести, раз уже началось!

На самом деле все началось ещё две недели назад, как я уже и упоминал. Правда, я не раскрыл, как именно все началось. Это был обычный майский день, который ничем не отличался от многих, проведённых мною в этой жизни. И не было никаких оснований, что он станет каким-то особенным. Да он и не стал. А вот ночь, наступившая вслед за ним, была странной, очень странной. Я заснул на час позже и

проснулся на час раньше, и для меня это было действительно странным.

Нужно ли упоминать, что это не совсем хорошо сказалось на моей работе? Руководитель отдела долго не мог понять, почему я не могу подобрать правильный шрифт для разворота журнала, но кое-как я его всё же подобрал. Вечером я специально укоротил свой рацион до минимума, ведь я, наивный, полагал, что на пустой желудок спать будет легче. Полночи было действительно легче. Но уже в пять утра я активно наверстывал упущенное, и больше я в ту ночь не спал.

Через неделю мои глаза по цвету мало чем отличались от очей почтённого графа Дракулы, и я купил капли, активно рекламируемые почти по всем телевизионным каналам. На этот раз реклама не подвела, глазные белки утратили зловещий красноватый оттенок, и следующий рабочий день прошёл спокойно и равномерно. А ночью я увидел садовника.

В квартире, в которой я живу в доме «хрущёвской» модели, а точнее, в моей комнате... так вот, обои там не сияют новизной, и я восполняю этот недостаток постерами своих любимых исполнителей и киноактёров. Старая кровать, предназначенная, судя по твёрдости, для йогов, разместилась в углу моей комнаты, и каждый вечер, засыпая, я мог видеть карту Киева, приклеенную к стене как раз по соседству с этими самыми постерами. Откровенно говоря, на ней ничего видно не было, кроме Днепра и сетки из длинных линий, обозначающих дороги. Так было до того дня, пока там не по-

явился садовник.

Секунду назад я видел линии улиц, рельефы и небольшие водоёмы, а затем – раз, и всё это сложилось в одну фигуру. На Левобережье, там, где у нормальных людей располагаются Позняки и Осокорки, стоял странный моложавый человек с лейкой в руках, и, судя по всему, он был активно занят поливкой несуществующих цветов. Хорошо, что он не двигался, очень хорошо, иначе наутро вместо офиса я попал бы в кабинет к наследникам доктора Фрейда.

Я отвёл глаза в сторону. Затем снова посмотрел. Нормальная карта, как висела здесь много лет, так и висит. Я зажмурился, и вновь открыл глаза. Садовник стоял и, как ни в чём не бывало, поливал цветы.

О, чёрт! Я подскочил с кровати, пулей вылетел в ванную комнату, и как следует принял контрастный душ. Горячая вода... холодная... кипяток... ледяная. Затем я понял – стоит сменить ещё пару струй, и я всё равно свихнусь, но совсем по другой причине. Бодрый и разгорячённый, я вновь вошел в спальню и прилёг на кровать. Садовника как не бывало.

Я вздохнул с облегчением. Не хватало мне ещё приключений на ночь глядя. Я включил телевизор в надежде услышать последние новости. По «Новому каналу» выступал Президент. Ладно, пусть будет Президент – я добавил звук, и приготовился внимательно слушать. Минут через пять я случайно отвёл голову от экрана телевизора и застыл в немом шоке.

Некоторые участки обоев в моей комнате не успели под-

вергнуться атаке постеров, и сияли, как обнаженные участки тела человека в порванной одежде. Ничего оригинального ни в дизайне, ни в расцветке обоев не было – обычные вертикальные полосы, идущие параллельно друг от друга на равномерном расстоянии. Теперь эти полосы вращались вокруг своей оси и двигались вверх, попутно переплетаясь друг с другом.

Я отвернулся к экрану телевизора и усиленно делал вид, что внимательно слушаю Президента. Так же внимательно я смотрел ночной сеанс кинокомедий и клипы по одному известному музыкальному каналу. Изредка я бросал взгляд на стену. Полоски вращались вокруг своей оси, двигались вверх, переплетаясь друг с другом, и даже не собирались прекращать свою бурную деятельность.

Бросал я взгляды и на садовника. Вот он есть... а вот его и нет. Но самое страшное, что я понимал – он там есть независимо от того, видел я его или не видел. Он там есть, и он внимательно следит за мной, развивая во мне манию преследования. Вот интересно, может, у меня и правда какая-нибудь там мания? Как у героя Рассела Кроу, математика Джона Нэша из фильма «Игры разума». Ему казалось, что его друзья существуют, а на самом деле – вот беда – они не существовали. Может, и у меня нечто вроде этого появилось?

«Не льсти себе, приятель», – прошептал я в ночной потолок. «Джон Нэш был гений, а ты дизайнер Евгений».

В эту ночь мне всё-таки удалось поспать. Целых три с по-

ЛОВИНОЙ часа.

Майонез... Вам никогда не хотелось купить чего-нибудь совершенного, с неотразимым божественным вкусом, но в то же время простого, как три копейки? Когда мне хочется чего-нибудь этакого, я подумываю купить устриц... хотя нет, долой устрицы! Возьму вот я да куплю себе торт, шикарный киевский торт, и съем его сам. Может, не за один раз, так уж и быть, оставлю на утро, но всё равно съем! Приблизительно так я рассуждаю каждый раз, и каждый раз с поразительной стабильностью покупаю майонез. Я блуждал по супермаркету, такому знакомому и так тщательно изученному за годы моих посещений. Суть в том, что как бы я там ни спал, а есть всё же нужно каждый день. Даже сегодняшней.

Майонез я выбирал долго и тщательно, ещё бы, ведь это одно из моих любимых занятий, и пристрастился я к нему ещё в вечно полуголодные студенческие годы. Я приходил с университета, включал конфорку и ставил на неё кастрюлю, почти до краёв наполненную водой. Соседняя конфорка в это время терпеливо дожидалась своей очереди, и вот она уже сияет огненным румянцем, а на нём жарятся два или три яйца – это уже зависело от количества пар в этот день в универе. Впрочем, жарятся – это сильно громко сказано. Я никогда не доводил их до нужной кондиции, они всегда оставались как бы немного недожаренными. Меня это устраивало

по трём причинам: во-первых, при отсутствии майонеза всегда можно было перемешать макароны с такой консистенцией, во-вторых, в эту самую консистенцию можно было макать хлеб, и, в-третьих, это было просто вкусно.

Наконец я выбрал нужный сорт майонеза, и принялся за поиски остальной пищи. Спагетти? Отлично. «Кока-кола»? Великолепно. А вот и печенье. Может, лучше купить вафли? Или суфле? Нет, всё-таки печенье...

Я держал в руках огромный бисквит, выискивал дату изготовления, затем проделал то же самое с печеньем, а затем просто увлёкся. Просто потерял контроль над происходящим – я думал вовсе не о том, что такого сладкого я испробую вместе с вечерним чаем. Из моей головы

(и, наверное, из сердца)

не выходил образ и голос Анжелы... моей Анжелы. По всем правилам и законам мы не должны были познакомиться – ведь сегодня рабочий день, обычный нудный будний рабочий день, и я должен был сидеть в офисе, а не кататься в метро по всему городу. Сегодня я не вышел на работу, и из-за этого, наверное, не была оформлена часть какой-то обложки очередного выпуска журнала. Нужно ли будет кому-нибудь то, что я делаю – скажем, лет через десять? Я уже не говорю через двести или сто, нет. Хотя бы лет через десять спросит меня сынишка (будет же он и у меня когда-то): «Папа, а что ты делаешь, чем ты занимаешься». А у этого сынишки будут внуки, и они не будут иметь ни малейшего представления,

кто был их прадед. Да и что он такого сделал, чтобы его запомнили?

Так что сегодня я должен был сидеть в редакции и продолжать прожигать время своей жизни. И всё же мы познакомились, несмотря ни на что. Я не «подцепил» девчонку, а она не «охмурила» парня – мы просто познакомились. Всё было настолько просто и естественно, что я искренне удивлялся – почему я не делал так раньше. И тут же мгновенно пришел ответ – потому, что раньше не было Анжелы. Зачем же тогда было знакомиться с кем-то другим?

...Я не мог понять, что мешает мне выйти из этого блаженного оцепенения, что препятствует моему выходу в трезвый и осознанный мир. Мой мозг уже отчаянно кричал мне что-то из своей укромной каморки, но я не мог понять, что именно. А когда понял, мне захотелось закричать вместе с ним.

Ибо я уже был в этом супермаркете, видел эти полки, этот паркет и этих охранников! На первый взгляд, странного в этом как раз ничего нет, ведь я уже упоминал, что чуть ли не ежедневно оставлял здесь часть своей наличности. Иногда мне казалось, что персонал при одном моём виде уже должен был преподносить мне скидки и вручать карточку почётно-го клиента вместе с удостоверением ветерана покупательных действий. Нет, меня поразило как раз не то, что я это уже когда-то видел. Я просто внезапно осознал, где я ещё видел эти полки, эти витрины, этот супермаркет, в конце концов. Я

видел это во сне, в ту самую ночь, когда шёл ливень, и когда странный незнакомец пожелал мне счастливую ночь.

(и сказал, что началось, не забывая об этом)

Откровенно говоря, в ту ночь я действительно был немножечко счастлив – ведь я СПАЛ! Хотя немножечко, но спал. И той ночью мой неугомонный мозг был в этом супермаркете, только что-то там себе напутал и представил мне дело так, будто здесь продают сон. Но ведь такого ж не бывает, правда? Разве можно продавать СОН? Такими темпами недолго и до продажи аппетита дойти. И я, пожалуй, его бы сейчас купил. Потому что мне уже не хотелось майонеза. И не только майонеза – мой голод резко улетел и не обещал вернуться, сама мысль о еде внушала отвращение.

Отлично! Меня завела сама мысль, что я сейчас проведу здесь маленький хитрый эксперимент. Я хорошо помнил свой сон – сначала там был стеллаж с макаронными изделиями, а рядом с ним соки. Это же совсем недалеко – достаточно миновать два прохода. Разумеется, я не замедлил их миновать.

Странно. Очень странно, что я еще во сне не понял, что нахожусь именно в этом супермаркете. Стеллаж с макаронами – точно такой же! То есть, не похож как две капли воды, а именно он и есть. И справа стояли соки – с мякотью и без, апельсиновые, вишневые и даже с таким замысловатым названием как «грейпфрут». Сердце замерло. Стоило сделать пару шагов вправо – и я бы увидел... увидел бы я... да я уже

подхожу туда! Увижу или не увижу?

И я увидел. Полочка с маленькими синенькими коробочками.

Я тихо присвистнул. Такого поворота событий я никак не ожидал. Был готов к этому, но не думал, что это случится на самом деле! И что теперь я должен увидеть, если открою эти коробочки? Сон? На сколько часов? Дней? Лет? И в какой форме он будет? Пилюли? Капли? Или волшебный сэндвич, а? Что я увижу, когда открою одну из этих маленьких синих коробочек?

Возьми да открой, дубина – как раз и узнаешь.

А, спасибо тебе, тварюка, за совет. Я протянул руку и взял одну из коробочек. Сердце замерло и стояло, колотившись, скорее, лишь для того, чтобы я прямо здесь и не свалился. В коробочках что-то было. Легкое, но было.

На коробочке было написано «Счастливой ночи».

Я вздохнул, и открыл коробку.

Тик-так. Часы. Дорожный будильник. Причем уже заведенный. Стрелки, конечно же, не двигались – коробочки, которые тикают, не внушают особого доверия. Застыли себе на двенадцати минутах десятого.

9:12. А может, и 21:12. Секундная стрелка совпала с минутной и остановилась на двенадцати.

В остальном же это были вполне обычные часы. Я открыл вторую коробочку. Такие же точно часы. И точно такое же расположение стрелок.

...Даю гарантию, что со стороны я выглядел немного странно – парень, застывший, словно соляной столб посреди супермаркета и с открытым ртом глазеющий на стеллаж с синими коробками. Поэтому нет ничего удивительного, что кто-то (возможно, охранник) совершил попытку вернуть меня из страны грёз на реальный и вполне осязаемый паркет супермаркета. Однако я всего это не знал, в тот момент я был целиком и полностью поглощён своим невероятным открытием, и не обратил внимания на руку, прикоснувшуюся к моей руке со стороны спины и слегка потянувшей за локоть. Однако усилия руки и её неведомого обладателя не пропали даром – я понемногу начинал понимать, где я нахожусь, и зачем сюда пришел. Видимо, я слишком долго приходил в себя – чья-то рука снова меня потянула за локоть, но уже более настойчиво. Вот здесь я окончательно обрёл разум и обернулся посмотреть на обладателя руки. И не увидел.

Ни обладателя, ни руки. Вообще никого. Не было даже покупателей, хотя я готов поклясться, что минуту назад здесь бродила целая делегация любителей товаров с полочек. Никого не было. Меня взял за руку человек

человек?

а когда я обернулся, никого уже не было. Вот так вот.

И я рассмеялся. Я хохотал тихо, но от души, ведь что может быть смешнее безумия, охватившего тебя в общественном месте? Откуда-то появился охранник, встал возле меня и приготовился спросить, какого чёрта я делаю.

– Извините, – произнёс я, – просто забыл список продуктов, написанный женой. Она его час составляла, а я его забыл.

– И такое бывает, – кивнул охранник, ещё раз подозрительно оглядел меня с ног до головы и отошёл наблюдать за другими потенциальными хулиганами.

И очень хорошо, что за кассой не было той симпатичной девушки, которую я видел во сне. Иначе я не смог бы себя сдержать, и хохотал бы, как безумный, и я сильно сомневаюсь, что кому-то удалось бы меня остановить.

6

И вот я снова дома, но аппетит так и не появился, и никто из моих знакомых тоже не собирался появляться в моём скромном жилище. Я никого не ждал, и никого не приглашал, но в моём мозгу сегодня случился большой кавардак, и я чувствовал, что без посторонней помощи мне с ним не справиться. Телевизор мог меня развлечь, но не мог разделить со мной мою ситуацию. И тогда я позвонил человеку, который мог делать и то, и другое.

– Привет, Серджио, старая обезьяна, – оскалился я в трубку. Интересно, сразу узнает, или угадывать будет.

– Ах, ты ж, подлый Пикассо, бездарный карикатурист, – гневный вопль показал, что мне не удалось сохранить инкогнито, – это кто ж из нас старая обезьяна, а? Я на два года тебя моложе.

– На два с половиной, – беззаботно ухмыльнулся я, – тебе ещё до меня расти и расти, балалайщик чёртов.

Привычный набор любезностей был исчерпан, и я перешёл к тому, ради чего, собственно, и звонил.

– А не желаешь ли ты отложить на вечер свою балалайку...

– Гитару!!!

... – свою старую убитую балалайку и навестить хорошего друга с целью борьбы с зелёным змием путём его поглощения?

– Соблазняешь, адский сатана? – пробурчал в трубку Серж, – но на этот раз у тебя ничего не получится. В твою обитель зла я и шагу не сделаю – жду важный звонок.

– И что ты предлагаешь? Мне самому пить это пиво?

– Предлагаю тебе меньше языком ворочать, а хватать подмышку свою дрянь и бежать ко мне что есть силы. Через сколько тебя ждать?

– Считаю, что я уже у тебя, старая обезьяна, – пообещал я и выключил телефон.

... Дверь открыл сам хозяин квартиры, такой же, как и я – свободный холостяк, посвящающий время якобы искусству. Но если для меня искусством прежде всего считалось рисование, то Серж был отличный музыкант, в любой компании его очень любили слушать... до тех пор, пока он не начинал петь. Однажды он таки допелся – друзья придумали про него строчку: «У нашего Серджио проблемы с сольфеджио». На что сам герой однострочной поэмы ужасно обижался, возмущался, но петь не прекращал.

Вот и сейчас он сделал то, что обычно делал, встречая гостей – кивнул головой, приглашая войти, затем одной рукой закрыл двери, а другой нежно обнял гитару, явно готовясь использовать её по назначению. Но я не настроен был в этот вечер слушать музыку. Тем более Серёгину.

– Ты пиво принёс, яркий гений нашего времени? – спросил Серж. Я почувствовал – стоит мне ответить «нет», и мне несдобровать. К счастью, пиво я всё-таки принёс, как и обе-

щал.

– Как и обещал, – сказал я, – а теперь признавайся – какой такой звонок ты ждёшь? Уж не от той ли красавицы, с которой я тебя видел в прошлый раз на Петровке?

– Увы, нет, – Серж, похоже, был искренне огорчён, – ты только представь себе – она совершенно не различает Металлику и Линкин Парк!!!

– Да, это серьёзно, – посочувствовал я, лихорадочно вспоминая, в чём разница между этими музыкальными коллективами, – но, впрочем, женщин нельзя строго судить. Подумай сам, ну зачем им тяжёлая музыка?

– За такие слова феминисточки тебя живьём на костре сожгут, – воскликнул Серж, и гитара в его руке задрожала, – что это за дискриминация такая?

– Вот те раз, приплыли, – воскликнул в ответ я, и всплеснул руками, – это где ж ты в моих словах дискриминацию узрел? Кажется, тебе срочно надо лечиться. И чем больше ты будешь выступать, тем быстрее нагреется твоё лекарство, которое я тебе притащил по доброте своей душевной.

– Прости, – сказал Сергей, – совсем забыл. Приглашаю тебя на балкон.

... Я и Серж – мы пили пиво, сидя на балконе, на котором не было лоджии, но из которого открывался чудесный вид на лес, озеро, маленькие уютные частные домики и уродливый гигант – очередная строящаяся многоэтажка. Скотина, такой вид портит! А скоро будет закат – его я любил больше

всего из пейзажа на балконе Сержа. Когда Солнце ложится спать, оно ласково щекочет небо тонкими нежными лучиками, как заботливая мать, почти уложившая младенца спать: «Спи, мой хороший, я тебе песенку спела, сказочку рассказала, волосики причесала... а теперь я ухожу, чтобы не мешать тебе спать, мой милый. Но завтра я обязательно приду – ты же знаешь, я ведь каждый вечер только для того и ухожу, чтобы утром снова к тебе прийти». И в это момент очень трудно не любить Солнце – когда оно едва выглядывает из-за горизонта, словно ему самому интересно понаблюдать ту божественную игру красок на краю неба. Мне пришло в голову, что само слово «красота» произошло от слова «краска». Разве можно чёрно-белое назвать красивым?

– Дружище, а ты когда последний раз нормально спал? – голос Серджио вернул меня из полузабытья на его балкон. Всё тут же стало на свои места, вернулось ощущение реальности... и вернулся кавардак в моей голове и моей жизни.

– Вот об этом, кстати, я и собирался с тобой поговорить, – ответил я и отхлебнул большой глоток из стеклянной бутылки. Я чувствовал в себе готовность говорить, но абсолютно не знал, с чего начать. Неожиданно Серж пришёл мне на помощь:

– Одно из двух, Жека – либо ты плохо спишь, либо ты вообще не спишь. У тебя бессонница или же тебя что-то гнетёт? Давай, признавайся старому другу.

– Как насчёт того и другого, вместе взятого? – вздохнул я.

И рассказал. Про садовника, про сны в маленьких синих коробочках, про движущиеся полосы на обоях, про то, как в супермаркете меня облапал несуществующий человек. Только про Анжелу я умолчал – уж слишком это личное, к тому же, до конца ещё не осознанное.

– Мне вот пришёл в голову один небольшой стишок, – Серж достал пачку «Честера» и вытащил из неё последнюю сигарету. Я вспомнил, что эта самая пачка к моменту моего прихода была наполнена более чем на половину. Долго же я рассказывал! Нет, я не умею быть кратким. Если краткость – сестра таланта, то мне никогда не стать его шурином.

– Серж, не думаю, что мой рассказ – отличная идея для твоей новой песни.

– Крыша хлопает в ладоши, – задумчиво произнёс Серж, – всем спасибо... план хороший!

– Да пошёл ты, – на один миг я всерьёз разозлился на этого парня, которого считал своим другом... чёрт, и сейчас считаю. Ибо я не увидел на его лице и тени насмешки.

– Смеяться, право, не грешно, над всем, что кажется смешно, – задумчивость не покидала Сержа, – но оставим в покое поэзию. Ты читал когда-нибудь Фрейда?

– Фрейда? Нет, Серж, до такого я ещё не опустился. Но я тебя уверяю, секс здесь абсолютно ни при чём. Конечно, у всех есть сексуальные фантазии, и я – не исключение, но садовник... это уж чересчур даже для меня!

– Тебя смущает его профессия? – улыбнулся Серж.

– Меня смущает его пол, старая ты обезьяна, – в гневе я мог дать Сержу сто очков форы, – так что Фрейд отпадает. Однозначно!

– Не спеши с выводами, Жека, – похоже, Сержу понравилось корчить задумчивые рожи. И куда только подевалась его импульсивность? – Фрейд писал не только про секс. Он ещё и про нечто другое писал.

– Про что, например? – во мне проснулся интерес. Пока я знал Фрейда только с одной стороны.

– Назови любое число, – внезапно Серж наклонился ко мне и прокричал практически в лицо, – быстро, ну? Любое!

– Семьдесят четыре, – ни на миг не раздумывая, прокричал в ответ я, – но какого чёрта, Серж...

– Тсс, – Серж приложил палец к губам, – спокойствие, только спокойствие. Давай рассуждать логически.

(ещё сигарета. Интересно, сколько мы за вечер их скурили?)

... – Так вот, семьдесят четыре – это семь и четыре. А теперь смотри – ты принёс семь бутылок своего любимого пива, и четыре из них мы уже выпили. Ну, как?

Я с умилением посмотрел на Серджио. У него был такой сияющий вид, будто он нашёл надпись на одной из крышек нашего пива, гласившую, что этим летом он едет в Германию поддерживать Блохина и его команду.

– Какое отношение? – вопрос напрашивался сам собой, – какое грёбаное отношение имеет садовник и движущие по-

лоски по моей стене к пиву и пустым бутылкам, которые мы выпили???!!!

– Да не кипятись же ж ты так, ну, Господи, видел бы ты себя – ты же похож на ту сковороду, у которой кружок на днище становится красным!

– Я не знаю, на кого я буду похож через неделю, – произнёс я. Получилось жалобно, – я хочу спать... что тут плохого, скажи мне, пожалуйста. Но я НЕ МОГУ!!!

– А Фрейд здесь вот при чём, – Серж продолжил свои толкования, – суть в том, что всё, что проявляется вокруг тебя, является следствием твоих мыслей. Скажи мне, Евгениус, ты уже когда-то думал о чём-то подобном, и оно сохранилось в твоём депо?

– Каком депо? – Серджио любил поговорить. Беда в том, что его загадки нормальным людям ни за что не разгадать.

(а ТЫ нормальный? – хихикнула мерзкая тварь)

— Департамент подсознания. Вот так я это называю. Некая инстанция в твоей голове. Её основная задача – хранить в архиве ту информацию, которую ты на данный момент не используешь. Вот скажи мне, ты можешь думать одновременно обо всём?

– Нет, – честно признался я, – и я думаю, что никто не может.

– Ты прав, – продолжил Серджио, – никто не может, и это никому и не нужно. Ведь в нашем маленьком депо пыhtят, не покладая рук, маленькие работнички. И у них есть своя

иерархия. На нижних ступенях трудятся чернорабочие – им, бедолагам, приходится хуже всех. Они сортируют мгновенную информацию – ты посмотрел на кирпичную стену и прошёл себе мимо, а работнички уже знают количество кирпичей в этой стене, длину стены, ширину и прочую фигню в этом роде...

Серджио закурил. Я последовал его примеру, сопровождая первую тягу глотком пива.

– Ребята, попавшие на одну ступень выше, работают уже по полной программе, – продолжал Серж, – даю гарантию, что ты сейчас и не думал о номере твоей квартиры. Но видишь ты его каждый день, и наши ребята эти привычные для тебя данные поместили в базу «Самая востребованная информация». Ну, а на самых высоких ступенях – офисный персонал. Им достаётся самая непыльная, и одновременно самая ответственная работёнка. Когда тебе нужна информация, они тебе моментально её предоставляют.

Ещё одна сигарета. Я слушал Сержа, и боялся пропустить хотя бы одно слово.

– Так вот, получается следующее, – Серж скорчил умную рожицу, но на этот раз он говорил действительно разумные вещи. – В обычной, дневной жизни, ты похож на эдакого злого босса, который только и делает, что гоняет «белых воротничков» по офису. Ты постоянно общаешься, думаешь, решаешь кроссворды, что-то читаешь, что-то пишешь, что-то слышишь. И по твоему «офису», комфортно разместившемуся в твоей черепушке, только и слышно пыхтение – туда-сюда, туда-сюда снуют несчастные сотрудники. Ты вот выходишь на перекур – ты думаешь, это у тебя перекур? Это у

них перекур.

Чирк зажигалка – гори, сигарета. Я курил уже машинально – всё моё внимание было поглощено речами Серджио.

– И вот наконец наступает ночь. – продолжал Серж, – и весь твой офис падает с ног, и храпит не по-детски, и хрен ты его трактором подынешь. Именно в этот момент и появляются наши «чернорабочие» с нижних ступеней. Да-да, обитатели нашего подсознания, те самые бедолаги, что запоминают всякую ерунду.

– Наподобие кирпичей в стене, – подсказал я.

– Вот-вот, оно самое., – кивнул в ответ Серега. – И теперь уже перекур начинается у них. Они вспоминают всё то, что видели за день. А для тебя всё это проявляется в виде сна. Вот так вот.

– Стоп, стоп, стоп, тормози лошадь, – я прервал рассуждения Серджа. – Люди, вообще-то, не всегда видят во сне то, с чем сталкивались днём. Я, например, летал во сне. Я ж наяву не летал, верно? Ну, разве что когда-то с третьего курса чуть не вылетел. Так почему же мне снится полёт?

– А почему ты так уверен, что летал именно ты? – подмигнул Серж, – то, что ты видел своими глазами, ничего ещё не значит. Вообще, тебя во сне нет. Ты всё видишь глазами своих «работничков» с нижнего яруса – а это они и летают, и скачут, и сражаются. Ты ж не знаешь, где они днём бывают, верно? Пока ты бодрствуешь, они бродят Бог знает где, и так-кое видят! А потом во сне тебе показывают. Вот ты видишь

город, в котором ты сроду никогда не был. А ты там и не был, это были они, ребята из ДеПо. Или ты видишь город, вроде бы свой, но какой-то немного не такой. Так это твои ребята побывали там в прошлом. Или в будущем. Или вообще в какой-то долбанной параллельной реальности. Неважно, где, главное, что побывали. – То есть ты хочешь сказать, – спрашиваю, – что когда я сплю и вижу сны, то я, это типа, и не я?

– А посмотри на своё отражение в зеркале как-нибудь во сне, – вскричала старая обезьяна, – и кого ты там увидишь? Себя, ясен пень, но это будешь ВРОДЕ БЫ ТЫ, НО КАК БУДТО НЕ ТЫ.

– Ок, я тебя понял, – сказал я. – Хотя немного диковатая теория, надо заметить. Но всё же – причём тут Фрейд?

– По его теории, а может, не по его, может, спёр у кого... так вот, по его теории подсознание произвольно выдаёт числа, буквы, оговорки из своего депо. То есть, тебя просят назвать число, а работнички его не придумывают – просто берут из подвала то, что ты когда-то положил. Вот спроси меня любое число.

– Скажи любое число, – произнёс я.

– 27, – ответил Серж, – и вот кто его знает, что это число означает? Понятия не имею. Но это и не важно, как пойму, потом сообщу. Суть в том, дорогой Евгенидзе, что твой садовник, и твои полоски на стене – они не просто так появились, понимаешь?

– Понимаю, – кивнул я, – садовник – это кореш моих ра-

ботничков из депо, и дедушка Фрейд сказал, что садовник не случайно появился, а так как вместе с ним появились полоски, то я маньяк без сна и без совести, и плачет по мне психушечка да на улице Фрунзе. Я всё правильно понял?

– Да иди ты, – Серж надулся, как индюк. Я рассмеялся и хлопнул его по плечу.

– Да не бери в голову, дай хоть посмеяться, а то я уже давно этого не делал. На самом деле, твоя теория мне чрезвычайно понравилась. Я с удовольствием продолжу дискуссию с тобой, но сейчас мне надо выйти.

– Знаю я, куда тебе надо, – пробурчал Серж, – только попробуй мне там снова ручку оторвать – я тебе за это ножку оторву, а заодно и головушку.

– Не отрывай, не отрывай, ты подожди ещё чуть-чуть, – запел я на мотив Маршала, и скрылся где-то между залом и кухней.

Минуты три спустя мы снова были с Серджем на балконе. Я смотрел на озеро, раскинувшееся прямо под окнами моего друга. В голове потихоньку мутилось, и я ни с того, ни с сего вспомнил прошлогоднюю рыбалку.

– А то, что, Серджио, – громко объявил я, – пойдём на выходных на твоё озеро, порыбачим?

– Это не просто озеро, – воскликнул Сергей. От возмущения он на секунду потерял дар речи, но тут же успокоился. – Когда-то, в далёкие буйные времена, здесь стоял сказочный город. Тебе известно, что в каждой стране есть своя культур-

ная столица?

Я кивнул. Разумеется, мне было известно, но ещё более мне был интересен его рассказ.

– В России это Санкт-Петербург, – с упоением продолжал Серджио, – у нас, пожалуй, можно назвать Львов, Харьков, Киев, разумеется. А в этом древнем государстве именно он был культурной столицей. Днём он блистал своей чистотой и ухоженностью, множество приезжих, наслышанных о его великолепии, жаждали хоть одним глазком взглянуть на этот город – интеллектуальную утопию. Здесь писали стихи и слагли легенды, райская музыка лилась из окон его домов, а сами дома поражали своей изысканной архитектурой.

– Ты так говоришь, будто ты там лично побывал, – с иронией заметил я. Конечно, мне было известно, какой Серджио импульсивный парень, однако награждать эпитетами город, которого никто никогда в упор не видел... нет, пожалуй, это уже слишком.

– Я хотел бы там побывать, – вздохнул Сергей. Затаённая печаль скрывалась в его голосе, и мне на секунду показалось, что это чуть ли не цель его жизни, – и остаться там. Знаешь, некоторым везло, и они оставались там навсегда. Они тоже могли создавать чудо, и лучшие продолжали творить славу этому городу.

– Ты знаешь, с тех пор мало что изменилось, – моя ирония всё никак не желала успокаиваться, – город, в котором мы живём сейчас, точно так же восторженно принимает одних

и отторгает других.

– В принципе, верно, – кивнул Серджио. – Вот только наш современник более добр, и не так жестко отторгает тех других. Они живут, и пытаются чего-то добиться, выполняя огромный объём работы за смешные деньги. И только потому, что у них на родине они получали ещё более смешные. Так и живут. Точнее, думают, что живут. На самом деле жизнь – это метро. Мимо тебя едет один вагон, и ты его пропускаешь. Куда спешить? Ведь следом за ним появляется следующий. Однако и в этот вагон ты тоже не садишься, а однажды, в один трижды распрекрасный момент обнаруживаешь, что все поезда уже в депо, и тебя вежливо просят покинуть платформу...

Сергей затих. Даже его ораторская энергия всё же имеет какие-то рамки.

Мы стояли и молчали, и молчали долго. Дым моей очередной сигареты поплыл вверх. В этот раз он получился сильно густой, и что-то нарушилось в окружающей сфере. Я ещё раз подумал про древний неведомый город.

– А ты ничего не путаешь? – смутные сомнения терзали мою душу. – Откуда могли появиться такие данные? Как вообще сохранилась информация о том, что было ДО потопа?

– Путаешь как раз ты! – Серджио вновь начал горячиться, – если ты знаешь про Атлантиду, то почему бы тебе и не знать про Раночи?

– Раночи? – переспросил я, – а это что такое?

– Это с какого-то древнеславянского наречия, переводится как «Ночное солнце». Ведь днём этот город был культурной столицей, а вечером превращался в увеселительную. Здесь от всей своей широкой души предавались веселью представители древней культуры, древнего искусства, древнего купечества, древнего воеводства и древнейшей профессии. Нигде, говорил один странник, нигде нет такого блаженства, как в славных Раночах. Просто рай какой-то!

И снова воцарилась пауза. На этот раз она была более короткой. Надо было прощаться – на небе отчётливо просматривалась молодая Луна, а наши запасы пива почти уже исчерпались. Тот факт, что нам обоим утром необходимо было идти на работу, не прибавлял желания остаться на этом балконе подольше.

– С днём рождения, Луна! – пробормотал я себя под нос. Серджио, как ни странно, услышал.

– С каким это днём, если Луна родилась ночью, – последовала немедленная реакция Сержа. – И не Луна это вовсе...

– А что тогда? – задумчиво произнёс я, – Солнце?

– Да, – ответил Серджио. Он протянул руку, и наши бокалы зазвенели в городской тишине, – это Солнце. Ночное Солнце.

... – Спасибо за вечер, давно уж мы так душевно не общались, – говорил Сердж, выпроваживая меня из своего жилища. Я долго не мог понять, почему так стало трудно обувать правый ботинок. И только-только родилась версия, что

обувь уменьшилась, пока мы квасили на балконе, как тут же Сердж её безжалостно убил. Всё оказалось намного проще – правый ботинок я одевал на левую ногу.

– Кстати, если хочешь, можешь взять почитать, – Серджио, старая обезьяна с Академгородка протянул мне выдавшую виды книжку. Буквы заглавия тут же пустились в пляс, но мне удалось прочитать «З. Фрейд. Психология бессознательного».

– Эта та самая макулатура, по которой ты меня просвещал? – спросил я.

Серж развел руками и кивнул. Я тут же вцепился в книгу и начал активно её листать. Полистал до последней страницы. И, подняв книгу, словно Кубок Чемпионов, над головой, торжественно вскрикнул:

– Вот оно!

– Что оно? – не понял Сергей Андреевич Бахвальский.

– Двадцать семь. Долбанное число двадцать семь, которое ты загадал. Это цена книги. На Петровке всё время на последнем листе цены пишут. Я тебя спросил: «Загадай любое число», и ты загадал двадцать семь. А ещё мне через год будет двадцать семь. И цена твоей книги...

– Тоже двадцать семь, – кивнул Серж.

– Ага. Тоже.

8

Дело было вечером, делать уже было нечего, оставалось только по пути домой зайти в супермаркет и что-нибудь купить на сегодня. Ага, я говорю, сегодня, не завтра. Какой же это, позвольте, ЗАВТРАК, если маленькая стрелка показывала «12». «Два остолопа, – говорила стрелка, – выпили один ящик пива на двоих, и досидели до один и двух часов ночи». Вот что мне поведали часы.

На этот раз знакомый интерьер супермаркета ничуть меня не удивил. Разве не логично, думал я, что мне приснилось именно то место, которое я столь часто посещаю? Да этот огромный магазинище мне каждую ночь должен сниться с повторами наиболее интересных моментов! Вот только синих коробочек в магазине уже не было! Исчезли, как и не бывало. И только мерзкая тварь по этому поводу упрямо хранила молчание, что не могло не радовать.

А вот длинные очереди к кассам не радовали абсолютно. Когда-нибудь я всё-таки найду время и поблагодарю менеджера супермаркета за блестящую идею: разогнать почти всех кассиров в час наплыва покупателей. Пусть даже сейчас и ночь, но из двадцати касс работало от силы пять, а вот людей было больше, чем пять. Гораздо больше. Хуже всего то, что один из этих людей – я.

«В очередь, сукины дети» – это я вспомнил цитату из Бул-

гакова. Вот странно – такая хорошая книга, а запомнилась именно эта идиотская фраза. К счастью, психов вроде меня, шатающихся в двенадцать часов ночи по городу, не так уж и много в этом мире.

– Карточка есть, пакетик нужен – сразу сказал я, подойдя к кассе, во избежание стандартных и знакомых вопросов. Карточка сэкономила мне целый процент от суммы покупки, а пакетик вместил мою скромную будущую трапезу.

Во всяком случае, было что перекусить. С Сержем мы явно засиделись, хотя беседа наша мне понравилась. И не просто понравилось – что-то шевельнулось в моей душе во время рассказа о прекрасном (ну, так Серж говорит) городе. Словно я встретил человека, чье лицо мне чрезвычайно знакомо, но хоть убей, не помню, где я его видел. А я ведь не мог быть в Раночах. Глупо даже предполагать такое. И он, этот город, никогда мне не снился. Или?

Или что? Почему во время рассказа Серджио, этой старой говорящей обезьяны и по совместительству моего лучшего друга, на какое-то мгновение в моей голове мелькнул образ. То ли это был дом, то ли не дом, может, храм, утопающий в цветении сада? Мелькнул, и исчез, словно мимолётная галлюцинация. Впрочем, после садовника и бегущих полос, мне ли рассуждать о галлюцинациях?

Погруженный в свои мысли, я и не заметил, как добрёл до своего парадного. Дверь подъезда была распахнута настежь, как и полагается нормальной двери в летнюю пору. Отлично,

ключи можно не доставать.

Лифт... дверь квартиры... сама квартира, моё старое доброе обиталище. Родители уже года два как уехали в Москву, получив тепленькое и перспективное местечко – а я остался жить тут. Иногда они звонят, и рассказывают мне о Москве, и нет-нет, да и проскакивает в их речи протяжное «ааа». Они спрашивают, как мои дела, и я говорю, что просто отлично и великолепно. Ещё они спрашивают, не желаю ли я бросить всё и наконец переехать жить в Москву. Я отвечаю, что нет, и не потому, что мне не нравится Москва. Скорее, наоборот – этот хищный зверь, скалящий зубы впервые его увидавшему, оказывается на удивление ласковым при более близком знакомстве. Просто как домашнее животное. Только его нужно постоянно гладить и играть с ним, иначе он вспоминает, что он всё-таки зверь, и норовит тебя цапнуть. Иногда больно.

Киев же и не собирался меня кусать, он всегда был рад меня видеть и дружески приветствовал каждый день. Я говорю день, потому что утром меня никто вообще-то и не приветствовал, а наоборот – окружала толпа, вечно куда-то спешащая и суеющая. Она словно чувствовала, что мне чужда эта суета, и надменно игнорировала меня. Чему я был рад вполне.

Да, мне чужда эта суета. Давно уже чужда, но сегодня я особенно остро почувствовал, что мой мозг желает динамита! Мысли, сгибаясь под тяжестью стандартов и клише, привыкли бегать по проторенному пути, и в этом их сложно ви-

нить. Вы ведь не пойдёте по дороге, вымощенной кочками и захламлённой всевозможным мусором? Сомневаюсь, что пойдёте, тем более, когда рядом вьётся такая знакомая, простая и чистая дорожка, по которой Вы привыкли прогуливаться, зная, что за поворотом Вас не поджидает какой-нибудь «приятный» сюрприз. Вот и мысли не ходят. Молоко белое, солнце горячее, огурец зелёный. И никак иначе.

Сегодня же было всё иначе. Почему? Почему именно сегодня? Что, чёрт возьми, сегодня за день такой? Почему же сегодня??!!

«Потому что «началось» – усмехнулся мой внутренний голос, та самая злобная тварь, что повсюду вставляла мне палки в колёса. Я не мог сформулировать, что именно началось, но это было настолько очевидно, что я не мог думать иначе.

Главное было то, что мой мозг жаждал динамита, того самого тайного ментального оружия, что взорвало бы его, и перевернуло мою «точку сборки». Есть у Кастанеды такой термин... когда реальность называется «точкой сборки», а малейшее отклонение от общепринятых стандартов – смещением этой точки. «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир», – взывал Архимед. Я ждал точки опоры, способной перевернуть мой собственный мир. И она пришла. Я смотрел в зеркало, и видел свои глаза.

Мне доводилось общаться с людьми старой советской закалки, да и сейчас доводится. Они абсолютно убеждены, что

всё в этом мире материально, Бога нет, а если и есть, то он находится в каждой церкви, и ему надо молиться, соблюдать какие-то немислимые обряды, дабы почтить его. И уж, конечно, мозг – это материальная структура, контролирующая нервную систему, и ничего более. А глаза – это орган зрения. Вот так-то, всего лишь орган зрения, материальный объект. Такова точка сборки у людей старой закалки.

И не только у них – большинство моих знакомых убеждены, что работа, дом, семья, ночные клубы и новые мобильники вполне достаточные понятия для восприятия мира. А всё остальное... да это же бред! Деньги управляют миром, а мир – это огромный дом, и его фундамент – бумажные нарезки с президентами США и гетманами. Ничего не имею против ни тех, ни других, но... Мир – это действительно дом. Весьма огромный такой домище, вот только фундамент его не из денег состоит. Деньги – это, скорее, черепица. Украшает дом, только вот если ветер снесёт её к чертям, то дом останется стоять на месте. Черепицу новую можно достать. А вот дом, наш мир, наш внутренний мир, состоит из множества комнат. Они разные, они абсолютно разные. Есть ещё и подвалы, и кладовки. И наши глаза – никакое не зеркало души, ну что за бред? Зеркало отражает, а глаза выражают! Они словно окна в нашем доме – можно заглянуть и увидеть мебель, картины, ещё что-нибудь. А вот что под диваном, а? Какие книги стоят в серванте? Иногда глаза это показывают, но чаще мы предпочитаем хранить содержимое наших «под-

валов» в тайне. Вот какие загадки живут в этом мире. И самая сложная загадка – это мы с вами...

Но что это я? Уже ночь. Три, если не ошибаюсь. Да, точно, уже три. Давно пора заснуть, чтобы утром встать в семь часов, принять душ, позавтракать, и снова штурмовать вагоны в надежде доехать на работу вовремя. Только сна почему-то ни в одном глазу. И что, мне опять полночи не спать? Не хочу не спать. Эй, Морфей, или как там тебя, пришли мне партию сна. Хотя бы небольшую.

(в маленьких синеньких коробочках уже 21:12)

Даже есть расхотелось, ну что ты будешь делать? Надо почитать. На моей книжной полке много чего было, но моё внимание привлёк роман Стивена Кинга «Бессонница». Актуально для меня, ничего не скажешь.

... Не знаю, сколько часов я пролежал с книгой, пока буквы, наконец, не начали плясать перед глазами. Я погружался в сон... в сон... баю-баюшки-баю, Женя, не ложися на бочок, за день мы устали очень, скажем всем спокойной ночи...

Стоп, а какого, простите, лешего я делаю в лесу? Местность, конечно, знакомая, вот справа от меня берег озера, а слева виднеется улица с домами по одной стороне. Да, в одном из домов живёт Серджио, но меня это сейчас мало волнует. Я вижу наряженную новогоднюю ёлку... это в мае-то! Я осознаю, что сплю, и мне снится сон. Я даже знаю, как это называется – осознанное сновидение, вот. Это когда события во сне происходят не сами по себе, а ты будто бы задаешь

сценарий сновидения. Вот я сейчас захочу полететь, и полечу, а могу и стать очень-очень высоким или превратиться в охотника за оленями. И ничего страшного, что оленей здесь нет – стоит мне захотеть, и они тут же появятся

(один уже и так появился, – гоготнула мерзкая тварь. О, она даже во сне не желает угомониться)

Странно только, почему мне снится новогодняя ёлка. Я засунул руки в карманы и нащупал что-то твёрдое. Ба, да это ж мой мобильник! А давай-ка я сфоткаю эту чудо-ёлку. Сказано – сделано, одним движением руки я освобождаю фотокамеру, и озаряю ночной лес вспышкой. Причём, несмотря на глубокую ночь, всё вокруг отлично видно. Ну, это же сон, тут всё по вашему желанию.

Мне захотелось ещё пофотографировать. Ага, вот сова на ветке... уху-ху, уху-ху... привет, сова, добро пожаловать на мою фотку. Клац... готова сова. А сниму я ещё улицу, на которой живёт Серджио и даже не подозревает, что мне снится его дом. Клац... готова и улица. Клац-клац-клац... если у вас есть фотоаппарат, вы можете снять практически всё. Если у вас есть два фотоаппарата, то вы можете снять вообще всё.

Вот так вот, ещё пару деревьев, и готово. Надо ещё это дерево заснять, исписанное маркером. Нет никакого желания читать эту надпись, наверняка какая-то похабщина, информация про сексуальную ориентацию Саши, род занятий Люси или просто банальное «здесь был я».

Отличная фотосессия. Пора бы и просыпаться. Тем более,

мне стало почему-то холодно. Словно ветерок подул с севера. И... о, Боже, что это за облачко надвигается на лес? Оно чёрное... и надвигается стремительно и неумолимо. Я слышу хруст веток! Проснуться, срочно проснуться!

... Я лежал на диване, и смотрел в потолок. В комнате светало, а часы показывали 5 часов. Утра, естественно. Я поспал всего пару часов, а чувство было, будто не спал вообще. Полностью разбитый и подавленный, это был я. Я...

Надо ли говорить, что больше глаз я не сомкнул? Я думал о своём странном сне, о своих фотоподвигах, и не находил в этом ни малейшего смысла. Что это? Откуда это? Почему я не сплю? Может, мне стоит обратиться к врачу? А дальше что?

психушечка, – мой милый и лояльный внутренний голос, он просто не мог промолчать, – желтый домик, где ты можешь фоткать желтые стены и рисовать портреты императоров и царей... с натуры, так сказать, ухаха

Я успел увидеть кое-что ещё до того, как позавтракал (майонез пригодился), умылся и вышел из дома. Разноцветные полосы устроили бег наперегонки на моей стене, и зрителей этому спорту было двое – я на диване, и садовник на карте.

Метро. Надо ли что-то ещё добавлять? Одно это слово в восемь часов утра вызывает содрогание души и тела. И по сути-то, само метро абсолютно ни в чём не виновато – наоборот, оно делает полезное дело. Если бы его не было, стоять бы мне сейчас в «пробках» и изнывать от духоты в маршрутном такси. А тут, под землёй, прохладненько. На секунду я вспыхнул симпатией к метро, но затем вспомнил о пересадке на «Театральной», и симпатия тут же улетучилась.

Когда в вагоне людей не сильно много, то есть передо мной есть хотя бы 10 свободных сантиметров, я могу достать свой смартфон и что-нибудь почитать. Или во что-нибудь поиграть.

Но сегодня мне не удалось сделать ни того, ни другого. Мой мобильный оказался со включенным Bluetooth'ом. Как там получилось – я не знаю, никогда и в голову не приходило переводить его в активный режим. Но, тем не менее, Bluetooth был включен. Иначе на экране смартфона ни за что бы не появилась надпись «Принять сообщение от Salonicus?».

Никогда, говорю я вам, никогда бы мне и в голову не пришло принимать сообщения по Bluetooth от незнакомых людей. Мало ли какие вирусы новые напридумывали? Один мой знакомый принял так какой-то файл, открыл его, а по-

том с сервисного центра неделю не вылезал – пришлось менять прошивку, устанавливать всё заново. И все файлы, записная и телефонная книжки, а также история звонков с криками ужаса и отчаяния покинули наш грешный мир и улетели в мобильный рай.

Однако меня очень удивил сам факт включения Блютюза. Почему он активен, я ведь его не активировал на самом деле никогда – все файлы в телефон я заливаю просто через Интернет. И что мне хотят передать? А главное, кто? Салоникус! Ну и ник, конечно, сказать нечего! Похоже на какое-то греческое имя. Ах да, есть же в Греции такой город – Салоники называется. Он оттуда, что ли?

Я оглянулся в обе стороны и внимательно просмотрел вагон. Никого (или, вернее, ничего) подозрительного. Напротив меня сидит студент с забавным рюкзачком и активно кивает головой. По идее, не дурачок, просто слушает музыку. Ему не до меня. Две бабушки, явно едут до Святошино. Их одно слово «блютуз» повергнет в культурный шок. А это кто такой, с длинными волосами и отмороженным выражением лица? Он на своей волне, и мобильника в его руке и близко нет. В полете. А вот эта леди в желтой юбке. Лет тридцать плюс НДС... Не то чтобы обалдеть какой возраст, многие зрелые дамы дадут сто очков форы многим юным девицам. Но рассылать «блютузки» по метро... Сомневаюсь!

Я ещё раз огляделся вокруг. Воистину бесполезное занятие. Никого ты в час пик не вычислишь, сказал себе я и за-

чем-то нажал на кнопку «принять». Вот так вот просто, от незнакомого человека. Скорее всего, кто-то просто решил развлечь меня картинкой. Или занести вирус в мою Нокию.

«Ну и Бог с ним, с этим вирусом», – решил я. По крайней мере, даже если он и выведет телефон из строя, то меня хоть пару дней никто доставать не будет. По экрану побежала веселая полоска-индикатор, сообщающая, сколько процентов файла уже принято и сколько еще осталось принять. Я еще раз оглядел вагон. Ну хоть бы кто с мобильным телефоном стоял! В любой другой раз, опять же, никакие Салоникусы ничего бы на мой телефон не передали. Но раз уж Блютуз почему-то включен, и уж тем более, раз уж что-то началось...

Прием файла завершен. Где сохранить? Вот что спросил меня мой телефон.

Я указал ему, где сохранить, и тут же включил поиск телефонов по Блютуз. Но никакого Салоникуса уже и близко не было. Наверное, вышел из вагона – на этой остановке почти все всегда выходят.

Хорошо, пусть будет так. В любом случае, пора переходить к папке с сохраненными данными.

Я открыл принятый файл и обомлел.

Это оказалось видео. Знаете, если у вас есть на компьютере видеофайлы, то они обычно отображаются в виде иконки с изображением кадра из самого видео. Обычно это первый кадр клипа (или фильма), но иногда картинка вырвана и из начала видео, или даже из конца. Я не мог знать, с какого

места вырвана была картинка на полученном мною клипе. Но я сразу опознал ее. Это была елка. Новогодняя елка. Та самая, которую я видел во сне. И фотографировал.

Я нервно сглотнул подступивший к горлу ком. Если раньше я иронизировал и не воспринимал всерьез последние события своей жизни, то теперь мне стало по-настоящему страшно. Я сегодня видел сон. И сейчас в одном вагоне со мной ехал некто знающий о моем сне. И ладно бы знающий – экстрасенсов сейчас хватает, да и телепатия, уверен, существует. Мысли можно читать, угадывать, трактовать. Но ФОТОГРАФИРОВАТЬ???

Палец потянулся было к кнопке «воспроизведение», но я вовремя остановил себя. Неизвестно, что это за видео. Не мог я знать, как отреагирую на него, ведь чувство паники было уже рядом, оно влезло в вагон между людьми, заполнило жалкое пространство между мной и ними и теперь активно жалось ко мне. Лишь поэтому я не рискнул сейчас смотреть видео. Вместо этого я оглянулся ещё раз на пассажиров вагона. Может, автор «блютузки» никуда и не выходил из вагона? Может, для него пришло самое время обнаружить себя?

Однако состав прибыл на очередную остановку, двери были открыты и выходящие пассажиры сменились на входящих. Мой неведомый отправитель решил со мной не знакомиться, а вместо этого предпочел скрыться. Что ж, внутренний голос подсказывал – наша встреча ещё впереди.

Мне предстояло ехать еще 5 остановок. И мне необходимо

было себя срочно чем-то занять, чтобы отогнать странные и дурные мысли. Я вновь ухватился за телефон. Недавно мы с Серджио гуляли по парку и познакомились с двумя милыми подругами. Мы дурачились, катались на аттракционах, а потом пошли в зоопарк и фоткались с обезьянами. Помню, на одной фотке оказался Серджио и две обезьяны. Я тогда долго рассматривал фотографию, а потом спросил, кто из них Серега. В общем, было весело, и я решил ещё раз посмотреть те фотографии.

Когда я открываю галерею в своем телефоне, то первым делом вижу последние фотографии, а не те, с которых начинал свою фотосессию. И я был твердо уверен, что после фоток с зоопарка камеру своего телефона нигде обнажать не приходилось. Моя уверенность длилась ровно секунду. Открыв первую фотографию, я содрогнулся, увидев новогоднюю елку в лесу...

Я медленно прокрутил остальные фото. Так и есть. Сова на ветке. Улица Серджио. Дерево с надписью. Всё то, что я видел сегодня во сне. И вот теперь я стою глубоко под землей и мчусь в центр города, а заодно вижу свои сны наяву. Всё, что я фотографировал ночью своим телефоном, в моем телефоне и сохранилось. Значит, это был не сон! Не сон, не сон, не сон! Однако я спал...

Народу прибывало, и меня оттеснили далеко в глубь вагона. Возможно, война с пассажирами за каждый «ключок земли» отвлекла меня, и благодаря этому я не сошел окончательно

с ума прямо в метро.

Работу я всю испортил – так паршиво я ещё ни один макет в своей жизни не делал. Элементарные операции путались, градиент стал для меня сушим кошмаром, о том, что творилось с цветами и их палитрой, лучше вообще умолчать. Гнев шефа был вполне справедливый, однако легче от этого не становилось.

Удивительно еще, что я не опоздал. А то вообще бы тучи над моей головой сгустились еще больше и превратились бы в один сплошной черный и зловещий комок. Но мне было, по большому счету, плевать. Рано или поздно я все равно отсюда свалю.

в крупное рекламное агентство – вперед, там тебя уже ждут

Мое состояние замечали и коллеги. Пару раз на курилке ребята спрашивали, давно ли был я в отпуске, или не собираюсь ли я в отпуск в ближайшее время. Они не понимали, да и не могли понимать, ибо не знали, что работа не позволяет окончательно остаться один на один со своими проблемами. Да были б хоть проблемы нормальными! Я бы смог ими поделиться, мне стало бы легче, и жизнь бы в который раз наладилась. Однако только Сержу я мог рассказать о садовнике и полосах на стене. Коллеги бы просто деликатно промолчали, а потом провожали бы сочувствующим взглядом.

Но что и кому я мог рассказать о фотографиях в телефоне?!

За день мне все же удалось сделать многое, кое-как, с горем пополам, но удалось. Но никак не давалась лишь одна вещь, которую мне надо было сделать, прежде всего, и которую я так боялся сделать. Видео и фото от Салоникуса – могли я их смотреть на работе? Меня терзала мысль о том, что могло там быть, и в то же время просто не хватало духу выйти в курилку и включить свой старый добрый телефон. Я боялся не просто открыть видео от незнакомого мне человека (человека?)

Сама эта мысль обращала меня в панику. Но я также не решался и открыть фото, которые сам же и сотворил. Но как? Господи, как же такое вообще возможно?!

– Что-то новенькое накачал? – раздался голос сбоку.

Я моргнул и пришел в себя. О, нет – я опять впал в забытьё, и стоял в курилке, вглядываясь в свой телефон. Я убрал мобильник в карман и обернулся. Ага, голос принадлежал Володе – заместителю главного редактора. Уж этот не упустит сунуть свой нос туда, где ему вовсе быть не полагается.

– Да нет, Володя, просто говорил кое с кем.

– Проблемы, заботы? – ровным голосом переспросил замглавреда.

– Да никаких проблем, – махнул я рукой. – Прекрасный денек.

– Уж куда лучше, чем вчерашний, не так ли? – уточнил Владимир.

Я посмотрел на него. Лицо не выражало ничего особенного, но глаза, конечно же, врать не умели. Этот парень чувствовал себя королем Вселенной – этот парень имел полномочия контролировать. Отличный способ компенсировать собственную ничтожность – контролировать других.

– Намного лучше, – подтвердил я.

– И что говорит твой врач? – еще один вопрос от этого зануды.

– Врач говорит, что я могу работать, – ответил я. – И я иду обратно, чтобы делать именно это.

Я сделал два или три шага, прежде чем услышал вдогонку:

– Жаль, что ничего нового не закачал. Мог бы перекинуть мне по Блутуз.

И всё же, к счастью, этот день закончился. Время – единственный объект, на который всегда можно рассчитывать. Вот и сегодня оно не подвело и показало 18:00. Мне не хватило духу корчить сегодня из себя сознательного сотрудника и находиться в этом адском офисе хоть на минуту больше. Помахал всем рукой, пожелал хорошего вечера – и бегом на улицу! Здесь, на улице, я себя чувствовал лучше. Намного лучше. Здесь было движение, жизнь. Ходили люди, мчали мимо маршрутки и машины. И, о Боже, здесь был воздух. Настоящий воздух, а не то кондиционерное чудовище, блуждавшее по офису.

Вчера мне не хотелось на работу, а сегодня мне не хочется домой. Я не представляю просто, как я смотрю видео, вижу

свой собственный сон, записанный на камеру, а вокруг меня шелестят полосы и поливают цветы садовники. Дурдом просто, причем самое неприятное – это вторая часть этого слова, которая «дом». Может, не стоит смотреть сегодня это чертово видео вместе с фото, выспаться хорошенько, а потом уже завтра, на свежую голову... Но я тут же отогнал от себя эту мысль. Увы, я уже так не могу.

Но всё же домой я сегодня не еду. Это решение. Моё решение. На Лукьяновке есть одна уютная кафешка, с летней площадкой. С одной стороны, можно посидеть одному, и сконцентрировать всё внимание на просмотре видео. С другой стороны, я всё же буду не совсем один – людей вокруг, спешащих с работы, предостаточно. Вот и славно, сейчас я возьму пиво и сосредоточусь на своих вопросах.

Я подошел на летнюю площадку и тут же увидел свободный столик. Разумеется, я поспешил его занять, и заказал подошедшему официанту не один, а сразу два бокала пива. «Не выдохнется ли?», – читалось в глазах официанта, но вслух он ничего не сказал, а просто пошел выполнять заказ. Зато я знал, что ничего на моем столе выдохнуться не успеет. Потому что я намеревался первый бокал осушить залпом. Раз – и нет его!

Так я и поступил. Сижу за столиком и перевожу дух, а вокруг меня кипит жизнь. Люди, кругом люди – каждый из них совсем не похож на меня, и в то же время точно такой же, как и я. Иногда мне приходило в голову, что выражение

«океан людей» появилось неслучайно. Все вместе мы – океан, а каждый по отдельности – капля. Забери у моря одну каплю – и оно ничего не заметит. Забери две, три – то же самое. Но именно так и высушивают моря – капля за каплей.

... Второй бокал опустел ровно на половину, прежде чем я решил достать телефон из кармана. Вот он, мой старый добрый друг. Что ж ты мне сегодня такое прислал-то, а? Разве я тебе был плохим хозяином? Ронял тебя, а? Не протирал экранчик? Или не пополнял тебя вовремя? Ладно, глупо на самом деле винить телефон, если у тебя во всей жизни наступила какая-то глобальная хрень.

Но прежде, чем включить то видео, я планировал сделать кое-что еще. Адресная книга... буква «А»... вот, есть, тот самый номер, который я узнал совсем недавно.

Длинные гудки. Третий... четвёртый...

– Алло, – этот голос, неужели это он, тот самый голос?!

– Привет, королева ангелов. Пока белый конь пасется, принц набрал твой номер.

– Привет, принц, – мне не надо было видеть Анжелу, чтобы понять, что она улыбается. – Как ты поживаешь? Хорошо сегодня спал?

– Просто великолепно, – ответил я, – цвету, как апельсины в оранжерее. Как доехала, как добралась, как тебя встретили? Расскажи, мне ж интересно.

– Добралась без проблем, если честно, то всю дорогу фактически проспала. Дома тоже всё здорово, уже все вещи

разобрала, сейчас гулять собираюсь. А ты, как ты?

– Я тоже вроде ок, – сказал я. Пытаюсь улыбнуться, вроде получилось. – Конечно, долгими снами похвастаться не могу, но вот когда сплю, снится мне только все хорошее. Девушка вот одна снится, милая, красивая, вот только жаль, что далековато она сейчас от меня.

– Кто-то грозился приехать, – сказал теплый голос по ту сторону связи. – в контракте всё записано, у меня не отвертись.

– Знаю, знаю, что ты юрист, – ответил я. А в голове крутилась мысль совершенно другая. «Как бы тебе не пришлось за мной ехать, милая», – думал я. «Как бы тебе не пришлось...»

Я начал с фотографий. Рассмотреть их до этого я не успел – слишком уж был шокирован тем, что они вообще присутствуют в моем телефоне. Нормально ли это – видеть фотографии своего собственного сна? Нет, вот только вдуматься в эту фразу! Фотографии собственного сна! На секунду мелькнула мысль, что, возможно, врач мне всё-таки не помешает. Однако мысль я безжалостно прогнал. С чего бы мне идти к врачу? Ведь это не я навязываю себе всякие страхи и мании. Я, вообще-то, привык жить в обычном мире, в котором Солнце встает на Востоке, и до самого вечера идет себе на Запад. Гоу вест, ла-ла-ла-ла-ла...

...а говоришь, что не надо к врачу. А Солнце ведь ниоткуда не встает и никуда не катится. Солнце стоит на месте – это Земля вокруг него вертится. Точно не надо к врачу?

– Да пошла ты, – пробормотал я. И зашел в галерею телефона.

Фото номер 1. Дата – 31 мая 2006 года, 03:16. Прошедшая ночь. Просто здорово. Оно еще и датировано так, как будто всё это было на самом деле. Реальная дата, реальное время. Реальные события? Как там Серджио говорил – во сне участвую, но вроде бы как и не я. Работнички какие-то из Департамента подсознания, куда они меня завели? Может, это они и фотографировали? А потом передали фото какому-то Са-

лоникусу, а он передал мне их по Блютуз по телефону...

– Да стой же! Ты хоть сам понимаешь, что за чушь ты сейчас несешь? – пробормотал я. Говорю сам с собою? А мне все равно. Если кто-то посмотрит на меня как на ненормального, я спрошу у него, как бы он себя вел, если бы ему передали видео и фото с его собственным сном. Изменил же не во сне? Хо-хо, а вот и компромат. Пожалуй, есть смысл вывернуть на голову смотрящему свой бокал с пивом. Чтоб хоть не зря смотрел, и не зря думал про меня всякую фигню.

Однако, к счастью (к моему или к его), на меня никто и не думал смотреть. Зато сам я смотрел в оба. Я не желал пропустить ни малейшей детали – раз уж что-то началось, то я должен как минимум понимать, что вообще происходит. И пусть я никому об этом не скажу по причине полного безумства происходящего, но сам я должен четко осознавать положение вещей. Пока что за последние пару дней произошло следующее: на моей стене жил неведомый садовник, я не поехал на работу и познакомился с Анджелой, мне приснился сон о том, как я провожу время в лесу возле озера у дома Серджио. Теперь передо мной – фотографии этого сна. А вот теперь, кажется, все – хватит себя уговаривать. Пора приступать к просмотру материала.

И на фотографии я видел новогоднюю ёлку. Она была именно такой, какой я ее и видел (видел?). Большая, пышная, нарядная Новогодняя ёлка в майском лесу. Я увеличил фото. Посмотрим, что там у нее за игрушки.

Оказалась, ёлка была наряжена разноцветными шарами. Ну, как разноцветными... это если считать черный и белый цвета восхитительным палитровым ассортиментом. Проще говоря, каждый шар был выкрашен в белый цвет с черными клетками. Или же в черный цвет с белыми клетками, если вы фанат политкорректности. Всё это здорово напоминало шахматную доску, а может, футболки сборной Хорватии. И всё это висело на ели.

Ещё минут пять я внимательно разглядывал дерево, но ничего больше интересного не нашел. Я переключил на второе фото. Сова. Причем на ветке, как всё и было в моём сне. Я поймал себя на том, что повторяюсь, но всё же я никак не мог свыкнуться с дикостью и нереальностью происходящего.

Сова на ветке смотрела не в кадр. Собственно, она смотрела в противоположную сторону. На третьем фото сова уже поворачивалась в мою сторону. На четвертом – смотрела вбок. На пятом...

О Господи. Она смотрела в кадр. Она смотрела прямо на меня! И её глаза были объаты жутким ужасом, они расширились в безумной панике обреченного! Чего испугалась сова? Почему я этого не вижу?

На шестом кадре сова запечатлелась в полете. За секунду до вспышки она оторвалась от ветки. А на восьмом кадре совы уже не было. Только пустая ветка. И черный клубок, выступающий из-за горизонта.

Седьмое фото показало мне улицу, на которой живет Сер-

джио. Да, вообще-то, здесь и его балкон должно быть видно. И верно, вот он самый, шестой этаж, а вот и Серегин балкон. Мало того – на нем еще кто-то стоит и машет в кадр рукой.

Сейчас я посмотрю, кто это меня узнал с такого расстояния, да еще и ночью в лесу, да еще и во сне! Для этого стоит просто увеличить фото. Что я и сделал. Вот он, тот самый балкон, где мы хорошенько отдохнули буквально вчера. Кто стоял у Сергея на балконе, и поджидал, пока я появлюсь. Вот его лицо...

И сейчас я осознал, что такое действительно холодный пот! Я содрогнулся и вцепился в телефон, не в силах отвести от него глаз! Вот кто мог узнать меня, даже на таком расстоянии! Вот кто меня приветствовал, махая рукой! Этот парень и до этого приветствовал меня каждый день. Я видел его, когда уходил на работу. И видел, когда возвращался домой. И не только дома я с ним сталкивался. Я мог его наблюдать каждый день, где угодно. Везде, где есть зеркало. Ибо на фото, на балконе Серджио стоял... я.

....

....

....

Дальше я не мог продолжать. Физически не мог. Я позвал официанта, расплатился за пиво и нырнул в бесконечный поток подземных пассажиров.

Снова дома. И это не так уж и плохо – пусть я не сплю, зато горячая ванна и теплая постель всегда в моем распоряжении. К тому же, ничего мне не мешает заварить кофе и опустошить чашку под дымок сигареты. Вредная привычка? Охо-хо, а то, что происходит сейчас со мной, разве полезно?

С другой стороны, говорят, что дома и «стены помогают». Вот здесь я и могу посмотреть видео. Любопытство пересиливало страх. Я никого не просил лишать меня сна, крутить полоски на стенах и селить садовников на карты. Но раз уж меня в это втянули (а ведь кто-то приложил к этому руку, к примеру, кто такой Салоникус?), то, опять же – я хочу знать об этом как можно больше.

Но я так сразу и не решился начать просмотр. Пошел на кухню, поел. Майонез, ага, куда ж без него. Включил телевизор, посмотрел футбол, как раз Лигу Чемпионов повторяли, как Барселона побеждала Арсенал. Еще сделал чая, еще покурил. Я испытывал странное ощущение: будто бы я вот-вот засну, еще мгновение – и сон могучим ударом кулака отправит меня в нокаут. Но я держался... точнее сказать, да ни фига-то я и не держался, сопротивлялся там, как же! Я бы с такой радостью завалился сейчас на боковую, кто бы только знал! Так что я не держался. Скорее, меня держали.

Добездельничался я в итоге до половины двенадцатого

ночи, и решил, что тянуть дальше некуда. Свет в комнате я выключать не стал. Пусть с меня смеется хоть вся планета, а свет я не выключу. Хотя, если домовый захочет, то пусть его и выключает. Или садовник.

Вот и телефон оказался у меня в руках. Пальцы привычно забегали по кнопкам: сначала включили меню, потом галерею и в итоге вошли в раздел «Видео». Вот оно, это видео. Его мне передал в метро Салоникус. И не просто так, а по Блютузу.

Первым делом я взглянул на хронометраж видео. Просто хотелось знать, к чему мне готовиться – к короткой флеш-заметке или это будет нечто объемное. Оказалось, нечто среднее – файл длился полторы минуты.

В конце концов, мне уже самому это надоело. Пора открывать кинотеатр, зрители жаждут блокбастер. Вперед! Началось!

... Первый кадр – новогодняя елка. То, что я сфотографировал, теперь было и на видео. Ель не была статичной, ее игрушки покачивались, словно колокольчики в безумном хоре. Динь-дон, динь-дон, напевали черно-белые клетчатые шарики. Кстати, да, именно напевали – звук у видео был, приглушенный, отрывистый, но был.

Сова! Внезапно я отпрянул от телефона. Боже, она так внезапно появилась, когда мое внимание было целиком во власти ели. Это напомнило мне те ссылки, которые высылали коллеги по работе – якобы головоломки, когда тебе надо аккуратно провести шар между линиями. И вот когда ты почти доходишь до финиша, весь поглощенный этой увлекательной игрой, внезапно раздается рев и на весь монитор выскакивает ужасная рожа. Тот, кто в этот момент пьет чай, просто проливает его на пол, за сердце и говорить не приходится – еще минут пять оно жалобно пищит где-то в глубине пяток. Вот что мне напомнила эта сова. Потом, конечно, напомнила. Вначале было просто страшно.

И этот взгляд был словно продолжением фотосессии моего сна. Кадров, где сова оборачивалась ко мне, не оказалось, зато остался ужас и взгляд мне за плечо. Сова резко развернулась и полетела. Раз – и она уже не актриса моего мини-фильма.

Секунда или две – черный клубок, выступающий из-за горизонта. Что это, зачем это? Я не успел понять, как клубок уже исчез. Вместо него показался чудный малыш лет четырех. Он радостно улыбался и махал листом бумаги с каким-то рисунком.

Малыш был уже не в лесу. Он находился в квартире, интерьер которой был мне хорошо знаком. О, да – он был уж очень хорошо знаком! Это та самая квартира, в которой я прожил первые 10 лет своей жизни. А малыш... малыш, это я. Я! И это был мой первый рисунок, я хорошо его помню, несмотря на то, что тогда мне едва стукнуло четыре. Это был ежик, которого я увидел в лесу, я его тогда запомнил и нарисовал. Вот тогда удивились мама с папой, не верили, что рисунок мой. Кстати, вот на видео показывают их удивленные лица.

Вот я в первом классе. Урок рисования, я изобразил камыши на озере. Получил «пятерку», которой очень гордился. Следующий кадр – летучая мышка, еще один мой рисунок. Это уже где-то третий класс, точно не помню.

А вот и лошадка – это был мой любимый рисунок, пусть я и расстался с ним почти сразу после создания. Я потратил полдня, чтобы ее нарисовать, а теперь вот помню ее очень смутно, и на видео она показана как-то мельком, что ли. Но я точно помню, что получилось просто шикарно, я глаз не мог отвести от своего шедевра (иначе я свои картинки и не называл). Но... в углу страницы красной пастой красовался

цифровой лебедь. Вот другие мои рисунки. И они тоже оценены «двойкой».

Я нажал на паузу и призадумался. Я сейчас работаю дизайнером, это то, чем я всю жизнь мечтал заниматься. И вот тут я опять взял паузу, на этот раз в своем сознании. Это ли оно? А что было раньше?

И ответ пришел сам собой, как будто всегда был здесь. Двойки – мне их ставили ни за что, вопреки всякой логике – и постепенно я разочаровался в самой первой детской мечте. Стать художником. А много ли надо было неокрепшей детской психике? Родители никогда не возражали вроде по поводу моей задекларированной публично будущей профессии, но в художественную школу не отдали. Почему, уже не помню, давно это всё-таки было.

Но, так или иначе, по окончании школы я пошел в Институт архитектуры, параллельно на курсы графического дизайна, и теперь верстаю макеты в спортивном журнале. Вместо того, чтобы писать картины. Вместо того, чтобы...

Но стоп! Что там дальше показывает видео?

А показывает оно ту картину, которая минуту назад так ясно держалась в моем воображении – обычный двадцати-дохреналетний парень, усердно корпящий над рабочим компом. Так сказать, воплощение мечты...

И снова лес! Тот самый лес, в котором я побывал во сне. Теперь на фоне деревьев опять всплывал я, но уже в несколько иной ипостаси. Не с усталым бесцветным лицом, а наобо-

рот – в порыве вдохновения, блестящий, озаренный! Вот я держу в руке макет рекламы для мобильных телефонов – я «наваял» его буквально за ночь, и заказчик принял его с восторгом, да что там, в ладоши чуть не хлопал. А вот обложка для книги – тут я уже две ночи потратил. Ночь, ночи... ведь действительно, главное время суток для творческих людей – это конечно же...

АААА!!! Опять!!! То слово, которое я подумал, отобразилось на видео! Мой лик исчез, и на экране снова остался один лишь лес. Но вот одно из деревьев приблизилось... и я увидел, как на его стволе ножичком аккуратно вырезаны слова:

ГРАФ НОЧЬ

Ночь, ночь, ночь! Что значит это видео? Как оно снималось? И какой вывод я должен сделать после его просмотра?!

Но на этом сеанс не завершился. Камера отъехала от дерева и повернула немного в сторону. И я увидел цветочную клумбу. Вот только цветы на ней уже давно завяли, и полить их не представлялось решительно никакой возможности. Об этом ясно говорил следующий кадр: человек с лейкой, перевернутой вверх ногами. Ни капли воды не исходило из той лейки.

И тот человек поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза. Зловещий взгляд, и злодейская ухмылка – как будто он только что подставил мне на стул канцелярскую кнопку, а я ее не заметил. Я впервые видел это выражение лица у

садовника, поливающего цветы у меня на стене. И холодная пустота, мерцающая в глазах на фоне сатанинской усмешки, поведала мне, что речь тут идет не о кнопке. Отнюдь не о кнопке – пусть даже канцелярской.

Затем – белый экран, и иссиня-черной краской число 27.

И – финальная надпись:

Конец? Всё только НАЧАЛОСЬ!

* * *

Утро застало меня в уже привычном состоянии абсолютного бодрствования. Вроде как я сомкнул глаза, что-то даже будто спал, но всё это – какая-то химера. Не знаю, как я держался на ногах, но силы были. Откуда, понятия не имею. Может, помогал кофе? Но, Боже, я ж на таком допинге долго не протяну.

Кофе, тем не менее, я выпил всё равно. Сейчас на работу, и всё равно, что там будет. А вечером я навещу Сержа. Пусть он мне кое-что прояснит – это сейчас мне ой как не помешает.

... День прошел в привычном темпе, если не считать, конечно, все более и более повышающегося интереса начальства и коллектива к моей персоне. Не тот это интерес, должен заметить, что кружит тебе голову и заставляет чувствовать себя знаменитостью. Скорее, я бы предпочел спрятаться «в тени» и особо не высовываться. Но меня «высовывало»

мое настроение, внешний вид, а особенно качество работы, которое в последнее время блистать более не стало. Да нет же, оно потускнело! Конкретно так потускнело!

Так что ничего хорошего мне в ближайшем будущем здесь не светило. Но этот грустный вывод почему-то никак не подействовал на меня. Это только оно звучит так ужасно: «Я теряю работу». На самом деле, а что ты теряешь? Зарплату? Она не намного выше оклада грузчика или дворника. Я во все не желаю, чтобы грузчики и дворники получали меньше, наоборот! Вот только я не понимаю, для чего я пять лет своей жизни потратил на институт.

А больше, по сути, терять нечего. Я уже потерял сон, покой, ритм жизни и все атрибуты нормального человека. И в то же время я чувствовал, что взамен я обрету нечто большее. Что и от кого? Не знаю. Не имею ни малейшего представления.

... Вот он, конец рабочего дня. Нельзя откладывать ни минуты. Тот спектакль, что разыгрался в моей жизни, организовал не я, и не мне было вносить корректировки в его сценарий. Однако и сидеть, сложа руки я не хотел – все происходило очень стремительно, и мне не хотелось упустить нечто, когда оно появится.

Но выйти на свежий воздух вовремя я не успел. «Ку-ку» – и на рабочем столе моего компа выскочило окошко с сообщением. «Евгений, зайдите, пожалуйста, ко мне». Имя контакта звучало как «шеф», и ни повышением зарплаты, ни

премией это не грозило.

Я постучал в дверь. «Войдите», – раздалось изнутри. Я вошел.

– Игорь Артурович, вызывали? – спросил я.

Тело за массивным столом ожило и подняло на меня свою пышную шевелюру над очками. Лицо сияло оттенком легкой небритости. Глаза за стеклами безучастно изучили меня, как будто видели впервые. Впрочем, отчасти это было истиной – сотрудники, подобные мне, в память особо не врезаются.

– Вызывал, Евгений, вызывал, – ответил шеф. – И мне хотелось бы услышать Вашу версию, почему я Вас к себе вызывал.

И в эту минуту я почувствовал в себе лифт. Тот, который держится на слабеньких тросиках, но все же пытается подняться наверх. Пытается, пытается... а потом просто обрывается. Слетает с катушек. Падает вниз, и что ему до того, что происходит на этой планете.

– Бывают иногда догадки, Игорь Артурович, – улыбнулся я. – Возможно, Вы сумели выявить взаимосвязь коллажа, который я сделал в марте на обложку, и повышением спроса на наш журнал, что, в свою очередь привело к увеличению тиража.

– Тиража? – переспросил шеф, пытаясь удержать очки у себя на носу.

– Ну, разумеется, – подхватил я, и сменил позу – попросту говоря, закинул ногу за ногу. – Это количество экземпляров,

но чтобы так долго не произносить, придумали слово «тираж». Точнее, не мы с Вами, Игорь Артурович, его придумали, и даже не наши соотечественники, а вездесущие французы. Это ж они и слово «журнал» придумали, хитрецы этикие.

Глаза шефа, не отрываясь, смотрели на меня.

– И главное, в чем я уверен, Игорь Артурович, в чем я ни секунды не сомневаюсь – Вы наверняка обошлись без помощи отдела маркетинга и самолично проанализировали ситуацию, – теперь меня было не остановить. – Именно тогда Вы и осознали весомый вклад Вашего покорного слуги, исполнительного сотрудника Копирин Евгений, в повышении прибыльности издания. Вот почему, я прекрасно понимаю, Вы меня вызвали сегодня сюда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.